

Г Л А В А I

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНА
в X—XIV вв.**

**§ 1. ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ.
ГОСУДАРСТВА ДАГЕСТАНА В X—XIV вв.**

В V—X вв. на территории Дагестана существовал ряд незначительных по территории государств — Баб ал-абваб (Дербент), Лакз (Южный Дагестан), Табасаран, Хайдак (Кайтак), Гумик (Кумух), Зирихгеран (Кубачи), Серир (Авария), Карах (Уркарах), Филан¹. Их локализация не вызывает в настоящее время особых разногласий, за исключением вопроса о Филане. Что касается Филана, то анализ сообщений арабских источников дает возможность понимать под этим понятием в основном территорию федерации союзов сельских обществ, известных впоследствии под названием Акуша-Дарго, в составе современных Акушинского и Левашинского районов².

Значительную роль в политической и экономической жизни раннесредневекового Дагестана играл Хазарский каганат³. Столицей каганата был город Семендер, впервые упоминаемый в армянской географии VII в. — это «гуннский» город М. с. н. д. р⁴. Исследователи локализируют город в самых различных местах (Тарки, Кизляр, Уллубийаул, низовья Сулака, близ станицы Шелковской в Чечено-Ингушетии). Эти взаимоисключающие мнения отражают противоречивость и отрывочность сведений самих источников. Однако учет археологических данных,

¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 112—144; Р. М. Магомедов. История Дагестана, стр. 52—61; История Дагестана, т. I, стр. 121—131; А. Р. Шахсаидов. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969, стр. 28—46.

² Подробно об этом см.: А. Р. Шахсаидов. К вопросу о локализации Филана (в печати).

³ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962.

⁴ К. Патканов. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому, — ЖМНП, ч. ССХХVI, 1883, март, стр. 31.

сообщений арабских авторов и местных хроник, особенно указание границ Семендера (в двух фарсах от границ Серира) и сообщение анонимного сочинения «Худуд ал-алам» о том, что город расположен на берегу моря, позволяет признать наиболее правильным мнение ученых, располагающих Семендер на месте современного Тарки или же близ него в районе Махачкалы.

В течение XI—XIV вв. границы указанных государств подвергаются существенным изменениям⁵.

Дербент в XI—XIV вв., как и в предыдущее время, продолжал оставаться крупным торгово-ремесленным и политическим центром на Восточном Кавказе. В середине XI в. (1077 г.) самостоятельная династия дербентских правителей прекратила свое существование, Город и прилегающие земли оказались в составе Ширвана, а затем — в зависимости от сельджуков Ирака. Зависимость эта была кратковременной. С начала XII в. до второй четверти XIII в. Дербент существовал как самостоятельное владение — эмират⁶. В 1239 г. он вошел в состав Золотой Орды, а с образованием государства Хулагуидов (1256) оказался, очевидно, под его властью вплоть до его распада на отдельные феодальные владения в середине XIV в.

С образованием четвертой династии ширванских правителей (1382—1550), начавшейся с правления Ибрахима I Дербенди (1382—1417)⁷, значение города особенно растет. Дербент наряду с Шемахой⁸ становится центром Ширвана. Преемники Ибрахима I Дербенди добились полной самостоятельности и чеканили собственную монету.

Серира пережил в XI—XIV вв. серьезные изменения.

⁵ Подробно см.: История Дагестана, т. 1, стр. 181—188.

⁶ Е. А. Пахомов. О Дербентском княжестве XII—XIII вв. — «Известия АЗГНИИ», историко-этнографическое и археологическое отделение, т. 1, вып. 2. Баку, 1930.

⁷ О деятельности Ибрахима I Дербенди: В. Dorn. Beitrage zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen, 1—Versuch einer Geschichte der Schirwanschache (Mem. sur l'trad. de Sc. de St.—Pet., VI serie, sc, polit., hist., phil., t. VI, livr. 6, 1881), SS. 561—578; И. П. Петрушевский. Великий ширваншах Ибрагим. Баку, 1942; А. А. Али-Заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956, стр. 382—399; История Азербайджана, т. 1. Баку, 1958, стр. 197—200.

В X—XI вв. его территория значительно расширилась, превышая размеры собственно Аварии⁸. Серир принимает весьма активное участие в политической жизни Восточного Кавказа⁹. Столицей государства был Хунзах. Согласно преданию, первоначальной столицей Аварии (местные хроники не знают термина Серир) было селение Тануси, что близ Хунзаха. Если предание о Тануси, зафиксированное также в местной хронике, носит отголоски исторической действительности, то перенесение резиденции сарирских правителей в Хунзах имело место до IX—X вв.

В конце XI—начале XII вв. раннесредневековое государство Серир распалось на более мелкие владения, воссоединенные впоследствии частично в Аварском ханстве в XIV—XV вв.¹⁰. О Серире (Аварии) в XII в. мы не располагаем никакими сведениями, но «Тарих Дагестан» уже в первой четверти XIII в. видит в Аварии одно из сильных феодальных владений. К концу XI—началу XII вв. следует отнести создание на развалинах ранее единого Серира отдельных, независимых союзов сельских общин — с одной стороны, и выделение наиболее сильного владения, Хунзахского нуцальства — с другой.

Усиление Кайтака (Хайдак) в XI в. прослеживается по данным «Истории Ширвана и Дербенда». В последующем территория Кайтака значительно расширяется. Ряд авторов XIV в. (Абу-л-Фида) начинает смешивать понятия Кайтак и Кавказ. К концу XIV в. или в начале XV в. под влияние Кайтака подпал Зирихгеран, а в середине XV в., судя по хронике Махмуда Хиналугского, потомки кайтакского уцмийа управляли крепостями в Докузпаре и Табасаране. В XV в. Кайтак включал как собственно кайтакокие, так и часть даргинских, кумыкских (южные кумыки) и лезгинских земель. Столицей Кайтака, или Кайтакского уцмийства было селение Ка-

⁸ Jacut's Geographisches Wörterbuch, hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd I. Leipzig, 1866, S. 222; BGA, V, 295 (Ибн ал-Факих).

⁹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 48, 51, 53—54, 65 и др. Подробно о раннесредневековом Серире см.: В. М. Бейлис. Из истории Дагестана VI—XI вв. (Серир), — ИЖ, 1963, № 73.

¹⁰ В. М. Бейлис. Из истории Дагестана VI—XI вв. (Серир), — ИЖ, 1963, № 73.

¹¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 48, 51—54, 65 и др.

ла-Корейш, древность которого засвидетельствована обнаруженными там памятниками эпиграфики XI—XII вв.¹², а также устной традицией («Кала-Корейш» — «крепость курейшитов»).

Собственно даргинские земли в своем большинстве находились, вероятно, вне пределов уцмийства. Сведения «Тарих Дагестана» ставят под сомнение существующее в литературе мнение о создании самостоятельной федерации союзов верхнедаргинских обществ (Акуша-Дарго) в предмонгольское время. Можно предположить, что образование этой федерации относится ко второй четверти XIV в., и сложилась она на базе союзов сельских общин, образовавшихся на территории Филана. Тимур покончил с самостоятельным существованием Акуша-Дарго.

В X—XV вв. процесс концентрации сил, политической централизации и дальнейшей феодализации усиленными темпами протекал «и в Гумике (Газикумухское шамхальство). В XI—XII вв. наблюдается усиление власти местных правителей, но в 1240 г. монголы основательно разрушили Кумух, столицу шамхальства, истребили род местных правителей, заменив его новым. Пребывание монгольских войск в Кумухе было кратковременным¹³, и вскоре шамхальство восстанавливает свое положение. Кумух начинает выступать не только в качестве экономического и политического центра шамхальства, но и как форпост ислама в лакских и соседних землях, в частности аварских. В начале XIV в. шамхальство предстает перед нами как одно из крупных и сильных государств в Дагестане. Среди земель, платящих поземельный налог (харадж) шамхалу, хроника «Тарих Дагестан» называет, помимо лакских, ряд аварских, даргинских, лезгинских и кумыкских земель. Поддержка, оказанная Тимуром, усилила власть газикумухских феодалов. Существующее в литературе мнение о подчинении Хунзахского нуцальства (Аухар) Газикумухскому шамхальству в конце XIV в. основано на не-

¹² Атлас к путешествию Б. А. Дорна по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. СПб., 1895, отд. 1, табл. XVII, рис. 1; П. М. Дебиров. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1967, стр. 27.

¹³ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 188.

сочной передаче автором XV в. Шараф ад-Дином Йездани (ум. 1454) текста Низам ад-Дина Шами («У области Гази Кумужлук и войска Аухара был обычай...»), позволяющего говорить о союзнических отношениях шамхальства и нуцальства.

Значительным изменениям подверглась территория Лакза. Сообщение Якута (ум. 1229) о «маликах» Лакза¹⁴ позволяет судить о децентрализации политической власти в Лакзе, а эпиграфический материал засвидетельствовал наличие в XIII—XV вв. на территории бывшего единого государства ряда самостоятельных политических единиц и союзов сельских обществ (Ахты, Рутул, Цахур, Хив, Курах, Тпиг, Хнов)¹⁵. «История Ширвана и Дербенда» уже в начале XI в. сообщает о Западном и Восточном Лакзе—может быть, здесь имеются в виду две самостоятельные территории. Ряд арабских авторов (Ибн ал-Аоир, Абу-л-Фида) и персидский автор Рашид ад-Дин распространяли термин Лакз почти на весь Дагестан, вкладывая в него понятие географическое а не этническое или политическое—

Изложенный выше материал показывает, что в XI—XIV вв. Дагестан не знал политического единства, как и в предыдущие века. Ряд владений заметно усилился (Газикумухское шамхальство, Хунзахское нуцальство, Кайтакское уцмийство, Дербент), ряд распался на отдельные владения или союзы сельских общин (Серир, Лакз, Табасаран) или же полностью потерял свою самостоятельность (Зирихгеран, Филан, Карах). Централизация политической власти в одних владениях сопровождалась политической раздробленностью в других. Государственные границы не покрывают собой границы этнические — многоэтничный состав ряда государств становится обычным явлением. Значительное место занимает в указанное время процесс усиления и возникновения новых союзов сельских общин.

¹⁴Jacut, I, 438.

¹⁵Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 49—54.

§ 2. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА в X в. РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ

В работах советских археологов (К. Ф. Смирнов, Е. И. Крупнов, М. И. Пикуль, В. Г. Котович, Д. М. Атаев, Р. М. Мунчаев, В. М. Котович, К. А. Бреде, В. И. Какивец, Н. Д. Путинцева, М. М. Маммаев, М. Г. Магомедов) хорошо показаны сдвиги в области земледелия, скотоводства и ремесла в раннесредневековом Дагестане. Археологические данные зафиксировали высокий для того времени уровень таких видов ремесла, как керамическое, кузнечное, ювелирное, литейное, строительное дело. Наблюдается не только выделение кузнечного дела в обособленную отрасль, но и специализация кузнецов по производству отдельных видов продукции. Ювелирное дело, как и строительное, выделяется в обособленные отрасли ремесла. Значительное развитие получили прядение, ткачество, обработка кожи в рамках домашнего производства ¹⁶.

Огромное отрицательное влияние на экономическую жизнь ряда районов Дагестана оказали арабские завоевания, которые сопровождались разрушением городов и аулов ¹⁷. Вместе с тем, начиная с VII—VIII вв., важные торговые пути, соединявшие страны Ближнего Востока с Юго-Восточной Европой, Нижним Поволжьем и Северным Кавказом, переместились в бассейн Каспийского моря. Это было время расцвета «арабской» торговли. В VIII в. эта торговля настолько расширилась, в частности в Закавказье, что почти во всех местных монетных кладах преобладает арабская монета ¹⁸. В торговлю втягиваются не только приморские, но и внутренние районы Дагестана. Это, в свою очередь, приводит к оживлению хозяйственной деятельности, в частности к дальнейшему развитию ремесленного производства.

Б. Н. Заходер справедливо отметил, что прогрессивные тенденции социально-экономической жизни на Восточном Кавказе создали предпосылки «для появления

¹⁶ М. М. Маммаев. Ремесло Дагестана албано-сарматского и средневекового времени. Автореферат канд. дисс. М., 1970.

¹⁷ Р. М. Магомедов. История Дагестана, стр. 70—71.

¹⁸ Е. А. Пахомов. Ганджинский клад 1929 г. в Закавказье. Сб. «Академику Н. Я. Марру», М.—Л., 1931, 1935, стр. 743.

такого новшества в Хазарии, как город — центр административной, религиозной и экономической жизни»¹⁹.

Возникновение городов²⁰, центров торговли, экономической, культурной и административной жизни — следствие дальнейшего развития хозяйственной деятельности, в частности ремесла раннесредневекового Дагестана. Среди городов Дагестана наиболее крупными были Дербент, Варачан, отождествляемый с Урцеки²¹, Зирихгеран, Семендер. Средневековые авторы (ат-Табари, Балами) неоднократно сообщают о большом числе городов и крепостей в раннесредневековом Дагестане²².

Помимо указанных крупных ремесленных центров, в Дагестане существовал ряд сравнительно мелких очагов ремесла, имевших, в основном, местное значение. Они были тесно связаны с ближайшими селами, удовлетворяя всевозрастающий спрос крестьянских хозяйств на сельскохозяйственные орудия, предметы домашнего обихода, опрос «а вооружение».

Политическая самостоятельность, которую приобрели дагестанские государства к концу IX — началу X вв. в связи с распадом Арабского халифата — с одной стороны, и вовлечением Восточного Кавказа в оживленную международную торговую деятельность — с другой, благоприятствовали росту внутренних условий, стимулировавших дальнейшее развитие хозяйства. Благоприятной оказалась также внешнеполитическая обстановка на Кавказе.

Природно-географические условия Дагестана, наличие плодородных земель, превосходных пастбищ, рудоносных районов служили той базой, на основе которой

¹⁹ Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, стр. 170.

²⁰ О городах в стране «гуннов» в VII в.: К. Патканов. Указ. соч., стр. 31.

²¹ Об Урцеки: В. Г. Котович, В. М. Котович, И. Д. Путинцева. Отчет о работе приморского отряда дагестанской археологической экспедиции — РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 104.

²² В. Догп — *Veitragel... IV—Tabari's Nachrichten fiber die Chasaren*. SS. 501, 506, 533, 541; *Chronique de Abou-Djafar Mohammed-ben Djarir ben Jesid Tabari, traduite sur la version persane d'Abou-Ali Mohammed Belami...* par M. H. Zotenberg, t. I—IV Paris, 1867—1874; *Annales quos scripsit... at-Tabari cum aliis M. I. de Goeje. Lugduni Batavorum, ser. I—III, 1879—1890* (особенно: ser. II, t. III, 1453, 1462, 1635, 1667).

шло дальнейшее развитие хозяйственной жизни средневекового Дагестана. По характеру рельефа Дагестан делится на две основные части — низменную и горную, причем горная часть подразделяется в свою очередь на предгорье, внутренний горный и высокогорный Дагестан. Земледелие, ремесло, садоводство, скотоводство развивались во всех районах Дагестана, но естественно-географический фактор способствовал развитию отдельных районов преимущественно по отдельным видам хозяйственной деятельности.

В хозяйственной деятельности горцев в X—XV вв. наблюдаются существенные сдвиги. К концу указанного времени оформились отраслевая специализация и основные линии производства по отдельным аулам. Возросшая специализация в отдельных физико-географических зонах на преобладающем производстве животноводческой или зерновой продукции не только дала толчок обмену, но и привела к фактору, имевшему большое значение в дальнейшем соотношении различных производств в горах и на равнине — террасное земледелие, достигшее наибольшего подъема в VIII—XIII вв (В. Г. Котович), к XV в. падает, террасные поля забрасываются надолго²³. В непосредственной связи с этим находился также процесс складывания крупных населенных пунктов.

Одним из важных этапов в экономическом развитии Дагестана является X в.

О состоянии зерновых культур в X в. мы не располагаем конкретными данными, хотя источники документируют особое место полеводства в отдельных районах Дагестана. Ал-Истахри подчеркивает значение для Баб ал-аббаба посевов, хотя и не конкретизирует, о каких именно сортах зерновых идет речь: «Город этот... имеет много посевов, но мало плодов, разве только привезут что из (других) областей»²⁴. То же самое отмечает и персидский вариант ал-Истахри: Дербент «больше

²³ М. О. Османов. Хозяйство даргинцев в XIX—XX вв.. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 184; С. Асиятилов. Хуторская система и формы ведения животноводства у аварцев в XIX—начале XX вв.—УЗ ИИЯЛ, т. 16. Махачкала, 1966, стр. 3—4. С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, стр. 21—23.

²⁴ BGA, I, 184.

Ардебилля и имеет много посевов и пахотных земель (кешт вӑ зераӑт), однако там мало фруктов, которые доставляются из других мест»²⁵.

Здесь, конечно, речь идет о сельскохозяйственной округе близ города, подчиненной городу и специализирующейся, судя по ал-Истахри, преимущественно на производстве зерновых. Автор «Истории Ширвана и Дербенда» сообщает о многочисленных дийа и возделанных землях (имарат) близ Дербента и в Табасаране²⁶. Возможно, и здесь основное внимание уделялось выращиванию зерновых, в частности пшеницы и ячменя. В районе Дербента хорошо была известна культура шафрана— об этом пишут арабские авторы ал-Истахри и ал-Мукаддаси²⁷. Садоводство здесь также развивалось, хотя и не в такой степени, как зерновое хозяйство. Позже Ширвани писал, что город имел «красивые дуга и желанные фрукты»²⁸.

Материал о производстве зерна во внутренних районах Дагестана в X в. также скуден. Однако общее представление о месте земледелия в это время дают археологические данные, характеризующие развитие хозяйства в предыдущие века. Работами археологов установлена глубокая древность дагестанского горного земледелия, показано, что оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство составляло основу экономики племен горного Дагестана еще в энеолите и медно-бронзовом веке²⁹. О сдвигах в земледельческой технике в раннем средневековье дают представление археологические данные, документирующие использование сохи или плуга, существование «в раннем средневековье пашенного земледелия, заменившего собой первобытное земледелие»³⁰. Об особом месте производства зерновых в хо-

²⁵ В. Догп. Beitrage..., V — Geographica Caucasica, SS. 471-505.

²⁶ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 46, 47, 52, 53, 62, 74, 75.

²⁷ BGA, I, 1841; III, 380.

²⁸ Научный архив Института истории Азербайджанской ССР, д. 1030, л. 116.

²⁹ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане, — УЗ ИИЯЛ, т. IX, 1961; его же. Хозяйстве населения горного Дагестана в древности, — СА, 1965, № 3, стр. II, 13.

³⁰ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии, стр. 280.

зяйственной деятельности горцев свидетельствует то обстоятельство, что в VIII в. арабские военачальники заставляли местное население вносить подати именно зерном. Когда автор «Худуд ал-алама» (X в.) пишет о Серире, что «это область с очень большими богатствами»³¹, то вполне возможно, что он выделяет эту область как район сравнительно развитого сельского хозяйства. Археологические памятники также дают картину развитого оседло-земледельческого быта на территории Серирз. В Бежтинском могильнике (Цунтинский р-н), датированном VIII—X вв., обнаружено 4 серпа — значит земледелие имело здесь немаловажное значение. Это обстоятельство привело Д. М. Атаева, исследовавшего Бежтинский могильник, к заключению о ведущей роли земледелия в центральной Аварии к концу I тысячелетия н. э.³² Важнейшим свидетельством роли земледелия в горных районах Дагестана является широкое распространение здесь во второй половине I — первых веках II тысячелетия н. э. террасового земледелия³³.

Что касается животноводства, то данные о нем основаны только на итогах археологических работ. Как известно, в зависимости от физико-географических условий скотоводство принимает различные формы — оседлое, полуоседлое, кочевое. Кочевое скотоводство характерно для степных областей с богатыми пастбищами. В Закавказье и на Северном Кавказе, в частности, развивалось полукочевое скотоводство при сохранении оседлых поселений, с сезонными перекочевками отар мелкого рогатого скота на значительные расстояния³⁴. В Дагестане же скотоводство приняло оседлый характер³⁵. Все эти высказывания относятся к эпохе бронзы.

³¹ *Hudud al-alam. The Regions of the world. A persian geography* 372. А. Н.—982. А. D. translated and explained by V. Minorsky. London, 1937, p. 131; А. Г. Туманский. Новоткрытый географ X столетия и его известия о славянах и руссах,—ЗВО. IX, 1896—1897, стр. 31.

³² Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, стр. 218.

³³ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 288.

³⁴ Б. Б. Пиотовский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье.—СА, XXIII, 1955, стр. 6; Е. И. Крупнов. Древняя история Кабарды. М., 1957, стр. 83; В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 293—294.

³⁵ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 294.

Хотя в последующем характер изменений в скотоводческом хозяйстве Дагестана и постепенный переход к отгонной системе не вызывают сомнений, но пока еще не представляется возможным выделить более или менее точные хронологические рамки этого процесса. В археологической литературе выдвинуто предположение о том, что возникновение ныне существующего в Дагестане отгонного хозяйства относится вероятнее всего к позднему средневековью³⁶. Длительность или же невозможность этого процесса вплоть до позднего средневековья автор объясняет двумя обстоятельствами: 'Невозможностью регулировать на договорных началах вопросы о сезонных перекочевках скота и использовании пастбищ в обстановке усиления межплеменных столкновений в связи с ростом скотоводства; кормовая база дагестанского скотоводства «обеспечивала практически неограниченные возможности для развития оседлого скотоводства»³⁷.

Мнение о позднем становлении отгонного животноводства было поддержано рядом других исследователей, в частности его формирование в Аварии было отнесено к XIII—XIV вв., «когда устойчивые политические объединения в Дагестане обеспечивали беспрепятственный перегон скота с гор на равнину и обратно»³⁸.

Однако появление этих условий можно отнести к более раннему времени, чем позднее и развитое средневековье. Как уже указывалось в разделе о политических образованиях Дагестана, их стабильность в целом определилась еще в раннем средневековье, т. е. в V—X вв. В последующем некоторые владения потеряли свою самостоятельность (Карах, Филан, Зирихгеран), но это происходило на фоне усиления ряда других государственных образований, расширения их границ, т. е. опять-таки создания благоприятных условий для развития земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Наибольший простор для развития отгонного животноводства был у тех политических образований, в пределах которых были как горные, так и равнинные земли.

³⁶ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 297.

³⁷ Там же, стр. 295—296.

³⁸ С. Х. Асиятилов. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX—первая половина XX вв.). Махачкала, 1967, стр. 46.

Таким государством был Серир. Как сообщает «Худуд ал-алам», «это чрезвычайно богатая страна, состоящая из гор и равнин»³⁹. Усиление Серира в X в., мирные связи с Семендером и аланами создавали весьма благоприятные внешние условия. Когда персидский автор XIII в., опиравшийся на данные X в., называет в числе товаров Серира также баранов⁴⁰, то это явное указание на усиление определенной отрасли животноводческого хозяйства.

В X в. горные и равнинные земли входили и в состав Лакза. В «Книге путей и государств» персидского перевода ал-Истахри имеется важный отрывок: «На берегу этого моря (Хазарского моря. — А. Ш.) имеется город Шабиран, маленькое, но благословенное место со многими рустаками. Выше этих рустаков лежит рустак Джасмадан до границы Ширвана и Баку, (а также рустаки) Дербак и Лакз. В этом рустаке (т. е. Лакзе) имеется гора, куда сгоняют скот этой страны, чтобы пасти его там, причем здесь нет нужды в охране»⁴¹. Последние слова о горе, куда сгоняют скот всей страны, очень важны. Они свидетельствуют о яйлажном скотоводстве, когда плоскостные и предгорные районы перегоняют скот на летнее время в район высокогорных пастбищ. Практику перегона овец с гор на плоскость также можно предположить. Любопытно, что в лезгинском языке низменность обозначается словом «аран» — возможно, отголосок давнего знакомства с Арраном, в междуречьи Куры и Аракса.

Таким образом, представляется возможным выдвинуть предположение о наличии отгонной формы скотоводства в раннем средневековье. Это могло иметь место в рамках отдельных государственных единиц, а при благоприятных внешнеполитических условиях — на более обширных территориях, покрывающих несколько политических образований.

Отгонная, или полукочевая, система ведения хозяйства была характерна в раннем средневековье и для

³⁹ Hudud al-alam, 161; А. Г. Туманский. Указ. соч., стр. 31.

⁴⁰ Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке, — УЗ ИВАН, IX, 1954, стр. 106.

⁴¹ В. Догп. Beitrage..., V—Geographica Caucasica, SS. 472, 522.

ряда других горных и предгорных областей Северного Кавказа. Так, например, в хозяйстве населения ранне-средневековой Карачаево-Черкесии большую роль играло скотоводство, и «скорее всего оно было отгонным в предгорных местностях и полукочевым в горах»⁴². Можно предположить, что в Алании в X—XII вв. ведущей отраслью скотоводства было овцеводство, основанное на яйлажной (отгонной) системе⁴³.

Важное место в хозяйственной жизни отдельных районов Дагестана занимали виноградарство и садоводство. Под виноград и сады была занята, как сообщают авторы X в., значительная территория приморского Дагестана. В Семендере было «много садов и... около 4000 виноградных кустов, простирающихся до границ Серира. Из фруктов более всего встречается виноград»⁴⁴. Это известие принадлежит ал-Балхи, известному географу начала X в. Оно впоследствии повторялось многими авторами, особо отмечавшими расцвет виноградарства в равнинных районах Дагестана. Ал-Мукаддаси отмечал, что у жителей Семендера имеются «сады, фрукты, много виноградных лоз и деревьев»⁴⁵.

Если многие авторы говорят только о количестве виноградных лоз, то Йакут, ссылаясь на ал-Истахри, дает более подробные сведения. Он пишет о 4 тысячах виноградников, буквально «садов винограда», простиравшихся до пределов Серира и находившихся в распоряжении жителей Семендера⁴⁶. Отсюда можно заключить, что в районе Семендера почти все пространство от берега моря вплоть до границ Серира было занято виноградниками. К югу сады и виноградники доходили до Дербента. «Этому городу принадлежат многочисленные сады, расположенные между городом и Баб ал-абвабом», — пишет ал-Истахри⁴⁷.

⁴² Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, стр. 112.

⁴³ В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, стр. 75.

⁴⁴ Д. А. Хвольсон. Известия о Хазарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Русах Абу Али Ахмеда бен Омар Йон-Даста... (В первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон). — СПб., 1869, стр. 62.

⁴⁵ BGA, III, 361.

⁴⁶ Jacut, III, 143.

⁴⁷ BGA, I, 222.

В середине X в., в 966 г., в связи с походами русов и разрушением Семендера, садам и виноградникам был нанесен огромный урон. Ибн Хаукал дал, со слов очевидца, описание печальной картины этого района после похода, когда в 508 г. хиджры (968—969) «виноградные лозы и сады, которые там были, дают разве только милостыню для бедных, если остался там только листочек на стебле»⁴⁸.

Район Дербента и близлежащие земли славились также производством марены. Как писал Ибн Хаукал, в областях Варсана и двух островах Баб ал-абваба, расположенных посреди Хазарского моря, обильно росла марена, превосходная по своему качеству. Она вывозилась вплоть до Индии. «Эта марена растет во всей стране Арран, от пределов Баб ал-абваба до Тифлиса. и близ реки ар-Рас (Аракс) до областей Хазарана...»⁴⁹.

Производство марены в столь широких размерах связано не только с удовлетворением потребностей растущих торговых связей со странами Ближнего Востока и Средней Азии. Оно непосредственно диктовалось потребностями внутреннего рынка, развитием домашних промыслов и прежде всего — прядения и ткачества.

Одним из значительных центров ткацкого производства в X в. выступает Дербент. Среди всех кавказских городов только Дербент специализировался на производстве полотняных одежд. «Из Баб ал-абваба вывозятся полотняные одежды и нет нигде таких одежд, кроме как здесь — ни в Арране, ни в Армении, ни в Азербайджане. Там произрастает (также) шафран»⁵⁰, — писал ал-Истахри о Дербенте. Иакут, ссылаясь на ал-Истахри, писал, что полотно изготовлялось в Баб ал-абвабе и его рустаках⁵¹, а Ибн Хаукал писал о вывозе верхней одежды из полотна⁵².

Таким образом, изготовлением полотна и полотняных одежд были заняты не только жители Дербента, но и соседних ему земель. Слово «каттан», которое употребляют арабские авторы, когда пишут о производстве по-

⁴⁸ Opus geographicum auctore Ibn Haucal... ed. J. H. Kramers. BGA, 11, Editio secunda. Lugduni Batavorum, 1939, стр. 393.

⁴⁹ Там же, стр. 347.

⁵⁰ BGA, I, 184; СМОНПК, вып. 29, стр. 11.

⁵¹ Jacut, I, 236.

⁵² BGA, 11, 339.

Полотно в Дербенте, означает по-арабски лен и льняное полотно, но у названных авторов оно означает только полотно. Однако производство льняного полотна предполагает в свою очередь разведение льна, и местные, дагестанские, названия его показывают, что лен был издавна известен дагестанцам не только в районе Дербента. Даргинцы называют лен — урбеч, лакцы — турт (полотно-чатан), дидойцы — кумели, каратинцы — элгу. Лингвистические данные характеризуют двустороннее направление в культуре льна, он культивировался на волокно и на семена. Таким образом, речь идет о высеивании волокнистого льна, или льна-долгунца, древнего культурного растения, двустороннее использование которого известно еще давно⁵³.

Особое развитие ткацкого производства, причем производства, рассчитанного на рынок, в районе Дербента в X в. хорошо отразилось в произведении Балами (список, перевод которого издан Зотенбергом): «на этих путях расположен город, самый крупный из аббавов, называемый Баб ал-аббавом... В этом городе производят ткани, называемые махсури», которые вывозятся в Азербайджан, Ирак, Фарс, Керман, Табаристан и Хорасан⁵⁴. В другом списке сочинения Балами (издан Б. А. Дорном) сообщается о Баб ал-аббаве и других местностях близ него, что «в этих городах ткнут паласы (зилу)»⁵⁵.

В X в. особого расцвета достигают города Дагестана. Одним из древнейших и крупных городов Кавказа был Дербент. В VI—IX вв. город постепенно растет, став к X—XI вв. важнейшим экономическим, административным и культурным центром с высокоразвитым ремеслом, обширными торговыми связями, городом в полном смысле слова. Начало усиления Дербента относится к VI в. и связано со строительством знаменитого Дербентского оборонительного комплекса — важнейшего памятника мирового фортификационного искусства. Дербентским стенам, цитадели, стене Дагбары — трем

⁵³ Технические культуры. Под ред. И. В. Якушкина и В. С. Кузнецова. М., 1955, стр. 66.

⁵⁴ Chronique, III, 494.

⁵⁵ В. Dorn. Beitrage..., IV—Tabari's Nachrichten, S. 454.

частям, образующим систему дербентских оборонительных сооружений, посвящена огромная литература⁵⁶.

В IX—X вв. город значительно разросся, стал крупнейшим городом Кавказа. Ибн Хаукал писал, что «в Арране нет города, крупнее Барзаа, ал-Баба и Тифлиса» и что остальные города — Байлакан, Варсан, Бардидж, Шамахийя, Шарван, Лабиджан, Шабиран, Кабала, Шакки, Джанза, Шамкур, Хунан — все они уступают по величине Баб ал-абвабу⁵⁷. А это были крупные торгово-ремесленные центры Восточного Кавказа⁵⁸. Так, Байлакан состоял из «Большого города» (590X600 м), «Малого города» и значительного торгово-ремесленного предместья⁵⁹. Более того, Баб ал-абваб «богаче Ардебиля своими возделываемыми землями», а Ардебиль был «самым крупным и превосходным городом» Азербайджана⁶⁰.

Дербент выступает в X в. как крупный торговый центр. Арабские авторы дают описание торговой трассы Бардаа — Баб ал-абваб: от Бардаа до Берзенджа—18

⁵⁶ R. v. Erkerl. Der Kaukasus und seine Volker. Leipzig. 1887, SS. 216—224. В. В. Бартольд. К истории Дербента. Соч., т. II, ч. I. М., 1963: его же. Новое известие о стенах Дербента. Соч., т. II, ч. I: его же. Дербент. Соч., т. III, М., 1965; П. И. Спасский. Дербентские укрепления, — «Известия Азкомстариса», вып. IV. Баку, 1928; Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники сасанидской архитектуры в Закавказье, — Проблемы ГАИМК, 1933, №№ 9—10; И. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935, стр. 35—39; М. И. Артамонов. Древний Дербент, — СА, VIII, 1941; его же. Истории хазар, стр. 116—126; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. — VII в. н. э. М.—Л., 1959; С. О. Хан-Магомедов. Дербент, М., 1958, стр. 38—60; его же. Стены и башни Дербентской крепости, — «Архитектурное наследство», № 17, 1964; его же. Раннесредневековая горная стена в Дагестане, — СА, 1960, № 1; В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 119—124 и др.

⁵⁷ Ibn Haucal, ed. J. H. Kramers, 339.

⁵⁸ История Азербайджана, т. I. Баку, 1958, стр. 133, 148; М. Х. Шарифли. Азербайджан в IX—XII вв., — «Труды Института истории АН Азербайджанской ССР», т. XII. Баку, 1957, стр. 44. 92—93; Г. М. Ахмедов. Из истории городов Азербайджана, — «Труды Института истории АН Азербайджанской ССР», т. XIII. Баку, 1958.

⁵⁹ И. Джафарзде. Археологические раскопки городища Оренкала в 1951 г., — «Труды Института истории и философии АН Азерб. ССР», т. 10. Баку, 1954; А. А. Иессен. Городище Оренкала, — МИА, № 67, 1959, стр. 33.

⁶⁰ Ibn Haucal, ed. J. H. Kramers, 339.

фарсахов, от Берзенджа через переход по Куре до Шемахийи—14 фарсахов, от Шемахийи до Ширвана—5 дня пути, от Ширвана до Абхаза—2 дня пути, от Абхаза до Джасар Самур—12 фарсахов, от Джасар Самур до Баб ал-абваба—20 фарсахов⁶¹.

Точная фиксация переходов — показатель существования регулярно действующей трассы. Баб ал-абваб не был конечным пунктом этой трассы, ибо путь шел далее, на Семендер и Итиль.

Город предстает перед нами как один из наиболее известных на Переднем Востоке центров торговой деятельности, торговцы приходят сюда «также из Джурджана, Табаристана, Дейлема»⁶². Более того, Баб ал-абваб назван портом, куда прибывают купцы из Хазарии, Серира, Хайзана, К. р. дж, Руклана, Зирихгерана, Амика⁶³. Серир, Хайзан (Хайдак), К. р. дж, Руклан, Зирихгеран, Амик (Гумик) — это районы внутреннего Дагестана, вернее почти весь Дагестан, именно через Дербент втянутый в международную торговлю.

В цветущем состоянии находилась городская гавань. Она была расположена «в середине» города, причем «между морем и пристанью построено две стены, и это сузило проход для судов и сделало его извилистым. У входа в порт протянута цепь»⁶⁴. Эти слова принадлежат ал-Истахри, а Ибн Хаукал добавляет, что суда, желающие попасть в гавань, должны пройти ворота, что закрыты на замок и как бы висят над водой, а далее, в самом начале входа, по которому корабли попадают в фарватер, протянута цепь. Цепь была закрыта на замок, находящийся в ведении того, кто наблюдал за состоянием моря, причем «судно входит (в гавань) только с разрешения владельца замка (сахиб ал-куфл)»⁶⁵. Персидский текст ал-Истахри вносит иной оттенок: судно может войти в гавань и выйти из нее только по распоряжению (фирман) жителей города⁶⁶.

Топография дагестанских городов не изучена, но письменные источники дают возможность проследить становление облика раннесредневекового города (в част-

⁶¹ BGA, I, 192.

⁶² Tabari, I, 438.

⁶³ Там же.

⁶⁴ BGA, I, 184.

⁶⁵ I b n H a u c a l, ed. J. H. Kramers, 339.

⁶⁶ В. Д о р н. Beitrage..., V—Geographica Caucasica, 473, 520.

ности Дербента), установить его характерные особенности.

Как известно, представители арабских исторических и географических сочинений отмечали обычное для восточных городов трехчастное их деление: мадина (перс. — шахристан) — собственно город; кала (перс.—кухендиз) — цитадель, укрепленная часть города, место пребывания правителя и знати; рабад — внешний город, первоначально предместье, причем в X в. во многих городах Ближнего Востока и Средней Азии центр городской жизни переходит в рабады.

Наиболее полную картину топографии Дербента дает Балами. Он выделяет собственно город, что между двумя дербентскими стенами (шахристан)⁶⁷. Что касается цитадели Дербента, то она названа отдельно—это кала, или хисар, т. е. «крепость». Когда же речь идет о городе в целом, Балами применяет термин «шахр», что равнозначно арабскому «мадина». В Дербенте имелись также отдельные кварталы (кисм), названные впоследствии в дагестанских хрониках «махалла»⁶⁸.

Сведения Балами о Дербенте относятся к VII—VIII вв.—к тому времени, когда под властью арабов он превращался в феодальный город. В литературе о городах Средней Азии уже отмечена роль арабов «в изменении всего облика старых дофеодальных городов, которые в результате расширения торговых отношений между Ближним Востоком и Мавераннахром все более превращались в города феодального типа»⁶⁹. Это изменение шло обычно по двум линиям: или шахристан терял свое значение, вне его возникал новый феодальный город (Мерв, Самарканд), или же изменения происходили в рамках шахристана, где концентрировалась экономическая и политическая жизнь⁷⁰. Так было в Бухаре, где в пределах шахристана появились базар, кварталы ремесленников, были построены караван-сарай, выросли дома знати. Вместе с тем город расширялся и за пределами шахристана, там появились базары, кварталы

⁶⁷ Idem, 483—484, 557.

⁶⁸ Derbend-Nameh, 543.

⁶⁹ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа. М., 1955, стр. 192—193.

⁷⁰ Там же. История Самарканда, т. I. Ташкент, 1969, стр. 146—147.

ремесленников. В середине IX в. город заново был обнесен стеной. В X в. вся центральная часть Бухары представляла собой базар, а сам город потерял облик дофеодалного шахристана⁷¹.

Развитие Дербента имело много общего с развитием Бухары. Арабы застали здесь шахристан и цитадель. Расширение города шло в пределах шахристана. Значительную часть населения представляли арабские колонисты, занимавшие несколько кварталов. Перемещение центра городской жизни из шахристана в рабад не наблюдалось, жизнь в шахристане никогда не прерывалась и сам шахристан, подобно бухарскому, превратился в одну из частей нового города. Центральная часть Бухары была занята базарами, то же самое мы наблюдаем в Дербенте. Как сообщает ал-Мукаддаси, соборная мечеть расположена «в середине базарных площадей», или «посреди рынков»⁷².

Цитатель оставалась средоточием политической жизни, а в городе находились административно-общественные и религиозные учреждения, ремесленно-торговые предприятия, культовые сооружения, кварталы арабской и местной знати, жилища ремесленников.

Можно предположить, что в VII—VIII вв. шахристан занимал только западную половину территории, заключенной между двумя стенами—об этом свидетельствует нахождение в этой части старых городских кварталов и Джума-мечети, построенной в VIII в.⁷³ К X в. город значительно разросся, занимал все пространство между стенами и завершался на востоке гаванью. Рост города происходил быстрыми темпами. К такому выводу пришел В. В. Бартольд, который на основе данных ал-Истахри о том, что Дербент больше Ардебиля и Тифлиса, и сообщения о том, что город имел в длину и ширину две мили⁷⁴, заключил, что расширение шло за пределами южной стены. Ал-Истахри писал о том, что, помимо каменных стен, существовали еще и другие стены из обожженного кирпича и глины, и, по мнению В. В. Бартольда, «эти стены, очевидно, окружали части города,

⁷¹ Б. Г. Гафуров. Указ. соч., стр. 193—194.

⁷² EGA, III, 376

⁷³ Описание Джума-мечети.—С. О. Хан-Магомедов, Дербент, стр. 61—65.

⁷⁴ Jacut, I, 437.

лежащие вне каменных стен (конечно, в южном направлении), так как каменные были воздвигнуты против врагов, ожидавшихся с севера»⁷⁵. Однако археологические разведки последних лет (А. А. Кудрявцев) не подтвердили мнения о существовании у средневекового Дербента огромного рабада, обнесенного кирпичными стенами. А. А. Кудрявцев выдвинул мысль о том, что город в IX—XII вв. за пределами южной стены не развивался (отсутствие культурного слоя) и что рост города за пределами цитадели вполне вероятен.

О росте города свидетельствует наличие ворот на всем протяжении городских стен. Ал-Мукаддаси писал о трех воротах в северной стене — «Большие ворота» (Баб ал-кабир), «Малые ворота» (Баб ас-сагир) и еще одни ворота близ моря, закрытые, они не открываются»⁷⁶. Южная стена также имеет, по ал-Мукаддаси, несколько ворот⁷⁷, но они, очевидно, не так важны, и потому они не названы. В. В. Бартольд высказал мысль о том, что упоминаемые у Ибн ал-Факиха Баб ал-джихад и Баб ал-имара соответствуют Кырхляр-капы и Таш-капы⁷⁸. Трое ворот северной стены сохранились до сих пор — это Джарчи-капы (на северо-востоке от цитадели), Кырхляр-капы (несколько восточнее, напротив кладбища Кырхляр) и Шура-капы (в средней части стены)⁷⁹. Один из списков «Дербенд наме» дает следующие названия ворот: Баб ал-мухаджир, Баб ал-джихад, Баб ал-мактум («Скрытые ворота»), Ворота крепости и Баб ал-кучук («Малые ворота») ⁸⁰. Список «Дербенд наме» изданный М. А. Казембеком, называет 6 ворот с указанием их современных (для автора или составителя «Дербенд наме») названий: Баб ал-мухаджир (Джарчи-капы), Баб ал-джихад (Кырхляр-капы), Баб ал-хамас⁸¹ (Йенги-капы), Баб ас-сакир (или Қайсар? — Туркменкапы), Баб ал-мактуб (или Баб ал-мактум — Байат-капы), Баб ал-алкама (Нарынкала-капы) ⁸². Список «Дер-

75 В. В. Бартольд. Дербент, стр. 422.

76 ВГА, III, 376.

77 Там же.

78 В. В. Бартольд. Дербент, стр. 422.

79 В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 121.

80 рф ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 158, л. 63.

81 В. Ф. Минорский читает «Химс».

82 Derbend-Nameh, 544.

бенд наме», датированный 1159 г. х. (1746) вместо Баб ас-сакир дает Баб ал-хазар («Баб ал-хазар, которые ныне называют Туркмен-капы») ⁸³.

Мы не имеем конкретных упоминаний о том, за счет какого контингента шло пополнение города, но можно предположить, что перед нами процесс, аналогичный с судьбами многих городов Средней Азии и Ближнего Востока—город пополнялся за счет сельского населения и торгово-ремесленного люда (с VIII в. значительное место в городе и его окрестностях занимал арабский элемент, военный и гражданский).

Одним из известных городов на Восточном Кавказе был также Семендер. Восточные авторы отмечают богатства города, его многочисленные сады и виноградники, наличие там рынков и торговых людей. Ибн Хаукал отмечает наличие здесь богатых земель и пастбищ ⁸⁴. Автор «Худуд ал-алама» пишет о Семендере, как о «превосходном городе с рынками и купцами» ⁸⁵. Ал-Истахри подчеркивает, кроме всего прочего, многолюдность города («В Хазарии я не знаю более густонаселенного места, чем Семендар») ⁸⁶.

Семендер, как и Дербент, был расположен на трассе международного значения, соединявшей Закавказье и Ближний Восток через западное побережье Каспийского моря с Северным Кавказом, Нижним Поволжьем и Юго-Восточной Европой в целом. И Дербент, и Семендер принимали, как уже указывалось, активное участие в международной торговле. Оба города обязательно упоминаются в торговых международных маршрутах, шедших по западному побережью Каспийского моря ⁸⁷. Имеются подробные описания расстояний между Итилем, Семендером, Дербентом и городами Закавказья и Южного Прикаспия в X в. Очень обстоятелен мар-

⁸³ РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 155.

⁸⁴ Ibn Naik al, ed. J. H. Kramers, 391—395.

⁸⁵ Hudud al-alam, 162.

⁸⁶ BGA, I, 222.

⁸⁷ A. Sprenger. Die Post- und Reiserouten des Orients, — «Abh. der Deutschen morgenländischen Gesellschaft», 1864, Bd. Ш, № 3; Зия Бунятов. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, стр. 166—170; Разбор сведений о расстояниях по линии Баб ал-Аваб — Семендер — Итиль см.: Б. Н. Заходер. Каспийский свод известий о Восточной Европе. М., 1962, стр. 179—183.

шрут (по ал-Истахри) от Абескуна в Хазарию, через Баб ал-абваб и Семендер, причем от Баб ал-абваба до Семендера 4 дня пути, а от Семендера до Итиля—7. Этот же автор указывает обратный маршрут: от Итиля до Семендера—8 дней пути, от Семендера до Баб ал-абваба—4 дня⁸⁸.

Подробные описания маршрутов могли появиться только при наличии регулярных, прочно установившихся торговых связей между различными областями. Это и определило особый интерес арабской географической литературы к Баб ал-абвабу, Семендеру, Итилю, Каспийскому морю в целом. Ал-Истахри, за которым следуют многие другие авторы X в., посвятил отдельную главу Хазарскому морю, с указанием его границ, особых свойств, продуктов, городов на берегу моря, народов, живущих вокруг моря⁸⁹. Автор отмечает, что море не связано ни с одним из остальных морей, и поэтому «если кто захочет обойти его кругом, то он вернется к тому месту, откуда начал свой путь»; что в море вода соленая, и оно не знает ни приливов, ни отливов, дно его илистое; что «не достают в Хазарском море никаких драгоценных камней вроде жемчуга или коралла», и единственное, что дает море — это рыба; что «плавают по этому морю купцы из разных мусульманских стран в землю хазар, в Арран, Джилан (Джилъ), Табаристан и Джурджан»; что «в Хазарии производят и доставляют (в другие места) только клей, а ртуть, мед, воск, бобровые шкуры и шерсть — доставляют сюда (из других стран)».

Расцвет Семендера происходил на общем фоне расцвета хазарских городов и каспийской торговли. «Худуд ал-алам» называет, наряду с Семендером, другие хазарские города — Итиль (в тексте — Атиль), Хамлидж, Баланджар (в тексте — Б. н. дж. р.), Байда и др."

Мы дали описание двух городов — Дербента и Семендера. Расцвет обоих городов был связан не только с ростом каспийской торговли, но и с усилившимися связями с сельскими, земледельческими районами Дагеста-

⁸⁸ BGA, I, 219, 226.

⁸⁹ BGA, I, 217 и сл.

⁹⁰ *Hudud al-'alam*, 161—162; А. Г. Туманский. Неоткрытый персидский географ, стр. 32.

на. Оба города были непосредственно связаны с сельским хозяйством, имели свою земледельческую округу («этому городу принадлежат многочисленные сады, расположенные между городом и Баб ал-абвабом», — писалось о Семендере; виноградники Семендера простирались, как уже отмечалось, до пределов Серира). Таким образом, обрисовывается значительная по территории сельскохозяйственная округа Семендера, в которой занято его население, возможно, большая часть населения, не оторвавшегося от земледельческого труда. Этот земледельческий район и имел, очевидно, в виду Ибн Хаукал, когда писал об «областях Семендера», что в 4 днях пути от Баб ал-абваба⁹¹. Он же писал о «возделываемых землях» жителей Баб ал-абваба, об «области Баб ал-абваба». И Дербент, и Семендер были тесно связаны с сельскохозяйственными районами внутреннего Дагестана.

В дальнейшем судьбы этих городов сложились по-разному. Связано было это с ростом значения Древнерусского государства, сыгравшего решающую роль в судьбах Хазарского каганата. В 966 г. русы захватили Саркел, Итиль и Семендер, разрушили их, жители Семендера рассеялись, основная часть их ушла на юг, в сторону Дербента. Жизнь в Семендере погасла, и о нем мы не имеем больше сведений. Что касается Дербента, то временный отрыв от районов Нижнего и Среднего Поволжья он возместил усилением связей с областями Дагестана и Закавказья. Во всей прибрежной полосе Дагестана только Дербент и был, пожалуй, цветущим пунктом, ибо, как писал ал-Истахри, «от Абескуна до левому берегу моря в Хазарию (путь проходит) по населенным местам, исключая только земли между Баб ал-абвабом и Хазарией, где нет ничего»⁹².

§ 3. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНА В XI—XIV ВВ.

Характеристика хозяйственного развития Дагестана в XI—XIV вв. сталкивается с рядом трудностей. Архео-

⁹¹ Ибн Хаукал, ed. J. H. Kramers, 389.

⁹² BGA, I, 219.

логические данные «остановились» на X в., а в восточных источниках этот период истории Дагестана освещен совершенно недостаточно. Это обстоятельство обусловило отсутствие ясной картины хозяйственной деятельности населения в отдельных естественно-географических зонах Дагестана, фрагментарность и недостаточную аргументированность некоторых выводов. Оно обусловило также характеристику отдельных сторон хозяйства без учета развития, специфических особенностей этого развития.

При характеристике социально-экономического и политического развития дагестанского общества в XI—XIV вв. нельзя не иметь в виду те военно-политические факторы, которые оказали огромное отрицательное воздействие на прогрессивный ход развития экономики и культуры. Многочисленные, следовавшие одно за другим вторжения иноземных войск нанесли огромный ущерб производительным силам страны, привели к потере сотен и тысяч непосредственных производителей материальных благ, к разрушению городов и аулов, к ограничению некоторых отраслей народного хозяйства. Иноземные вторжения следовали одно за другим: сельджуки, монголы, Тимур, борьба Хулагуидов и Золотой Орды, Тохтамыша и Тимура превратили Дагестан, особенно прибрежный, в арену ожесточенных и почти непрекращавшихся военных столкновений враждующих сил.

Особенно сильно пострадали равнинные и нижне-предгорные районы, где проходила основная масса завоевателей. В результате монгольских завоеваний в приморском районе Дагестана росла площадь запущенных земель. Равнинные земли были превращены в место кочевки скота завоевателей. Были нарушены традиционные связи между горными районами и плоскостью. В равнинных районах оседлое земледельческое хозяйство на определенное время было вытеснено хозяйством кочевым⁹³. Не менее разрушительны и пагубны для хозяйственной жизни были и походы Тимура. Во время его походов пострадали как равнинные, так и внутренние, горные районы Дагестана.

⁹³ Р. М. Магомедов. История Дагестана, стр. 98—99

Все эти факторы весьма отрицательно сказались на экономике страны, отбросили назад развитие равнинных и предгорных районов. В горных же районах регресса или же застоя производительных сил мы не наблюдаем. Связано это с тем обстоятельством, что военные столкновения происходили, в основном, в восточной, прибрежной полосе Дагестана, а завоевательные походы в глубь Дагестана, наталкиваясь на ожесточенное сопротивление местного населения, не привели к более или менее длительному господству завоевателей. Эта относительная независимость внутренних районов Дагестана и была той основной причиной, которая лежала в основе медленного, но неуклонного развития в них земледелия и скотоводства, ремесла и торговли.

Основу экономики Дагестана в XI—XIV вв. составляли, как и в предыдущее время, земледелие и скотоводство. К сожалению, письменные источники не дают нам конкретных данных ни о способах выращивания, ни о сортах зерновых культур, но с учетом археологических данных, относящихся к раннему средневековью, мы можем уверенно предположить, что и в рассматриваемое время земледельцам Дагестана были известны самые различные сорта культурных растений (пшеница, ячмень, рожь, полба). Во всех дагестанских языках сохранились местные названия озимых и яровых зерновых культур.

Отрывочные, но ценные сведения о производстве зерновых дают нам письменные источники. Как сообщает Закарийа ал-Казвини (1203—1283), в высокогорном селении Цахур жители выращивают зерно «сульт», схожее с ячменем по виду, а с пшеницей — по качеству⁹⁴. Из текста можно заключить, что жители Цахура в основном сами удовлетворяли свои нужды в зерне, не доставляли его из других районов — «нет у них торговли или сношений (с другими), напротив, каждый из них сеет достаточное для себя количество зерна и питается им и молоком принадлежащих ему овец»⁹⁵. Со слов того же автора, зерно сульт было хорошо известно и в другом высокогорном пункте — ауле Шиназ⁹⁶.

⁹⁴ Zakariya Ben Muhammad Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie, hrsg. von F. Wüstenfeld, t. II. Göttingen, 1848, S. 405.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

Относительно произрастающего в Цахуре и Шиназе зерна сулыт А. Н. Генко писал, что здесь речь идет о голозерном ячмене⁹⁷. В знаменитом «Камусе» указано, что сулыт — «это ячмень или разновидность (сорт) его», В дагестанских текстах это чрезвычайно редкое слово, нам оно встречалось только в одном источнике, в адатах селения Хучада (ныне Советский р-н), в качестве штрафа с местных жителей («мерка сулыта») ⁹⁸. Голозерный ячмень, очевидно, широко культивировался в прошлом, Он известен всем дагестанским народам под местными названиями: махIяр (даргинск.), лив (дидойск.), у (лакск.), маар (аварск., агульск.). У лезгин, как рассказывают старожилы, раньше сеяли «къери мух» (букв. «редкий ячмень»), «что-то среднее между ячменем и пшеницей». Этот злак назывался также «наал мух».

Историческая хроника «Тарих Дагестан» также дает важные сведения, позволяющие судить о месте зернового хозяйства в экономике ряда горных районов. По данным этого сочинения, в начале XIV в. ряд аулов и обществ (Хунзах, Гадаp, Аркас, Ирганай, общество Тумал) вносит харадж именно пшеницей".

О дальнейшем развитии земледелия в горных районах свидетельствует особое распространение здесь террасного земледелия, период наивысшего расцвета которого падает, как отмечает В. Г. Котович, на вторую половину I — первые века II тысячелетия н. э. Это в свою очередь было обусловлено в немалой степени увеличением населения ¹⁰⁰.

Последнее обстоятельство, т. е. рост населения или же относительная густонаселенность горных районов, было важнейшим фактором. Источниками роста населения во внутренних районах Дагестана были как естественный прирост населения, так и приток больших этнических массивов с равнинных районов, имевших богатые земледельческие традиции и оказавшихся ареной воен-

⁹⁷ А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение, — «Труды II сессии ассоциации арабистов». М.—Л., 1941, стр. 96.

⁹⁸ Адаты аварских аулов, — РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. I, л. 57 (араб. яз.).

⁹⁹ Derbet-d-Nameh, 559—577.

¹⁰⁰ В. Г. Котович. Социально-экономический строй Дагестана в древности и средневековье, — РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 3704.

ных столкновений. Разрушение прибрежных городов, значительный упадок значения Дербента в XIII—XIV вв., уничтожение многочисленных поселений на плоскости— все это вынудило население городов и поселений сельского типа найти убежище в горных районах. Восточные авторы неоднократно указывали на многочисленность горных районов. Якут (ум. 1229) писал, что жители Лакза — «народ многочисленный... (у них имеются) обрабатываемые дийа и населенные области». Тут же он сообщает о жителях Табасарана: «у них много населенных мест, только (жителей) ал-Лакза больше числом»¹⁰¹. Большое число жителей Серира отмечалось еще авторами X в. Ал-Масуди писал, что в Серире «было 12 тысяч селений». В географическом сочинении XIII в. Серир назван областью «с большим количеством населения»¹⁰².

Таким образом, судьбы внутренних районов Дагестана сложились гораздо благоприятнее, чем в плоскостных и предгорных районах. Поход 1239—1240 гг., совершенный монголами в глубь гор, был опустошительным, а поход Тимура в горы в конце XIV в. также ослабил страну, но кратковременность господства завоевателей была залогом того, что хозяйство здесь быстро восстанавливалось. Поэтому в горных и высокогорных районах прогрессивное развитие хозяйства, хотя и было замедлено, но не было остановлено.

Выше уже отмечалось, что плоскостные и предгорные районы с развитым в VIII—первой половине X вв. полеводством, садоводством, виноградарством в течение второй половины X—XIV вв. пережили несколько катастрофических периодов, экономическое развитие в них в значительной степени тормозилось. О состоянии земледелия на равнине после X в. вплоть до XIV в. мы не имеем сведений. Очевидно, к середине XIV в. хозяйственная жизнь в районе Дербента восстанавливается, но большое значение приобретает скотоводство — возможно, это результат пребывания монголов. Хамдаллаху Казвини (ум. 1349) принадлежит весьма интересное сообщение о Дербенте и его округе: «Что касается плодородия, (то) хлеб там хорош. (Дербент) обладает прекрасными пастбищами, воды и скота там много, боль-

¹⁰¹ Якут, I, 438.

¹⁰² Н. Д. Миклухо-Маклай. Указ. соч., стр. 205—206.

шая часть дохода их бывает от этих (благ)»¹⁰³. В обнаруженном недавно «Сказании о Железных воротах» (сохранилась только копия), составленном в середине XV в., дается подробное описание хозяйственной деятельности населения в районе южнее Дербента: «А в той земле пахут землю и сеют пшеницу, и ячмень, и ярицу, и полбу»¹⁰⁴. Это высказывание можно отнести и к Дербенту с прилегающими землями. Упоминание в «Сказании» культуры ярицы, т. е. яровой ржи¹⁰⁵ — это единственное сообщение, дающее возможность судить о системе земледелия. Упоминание ярицы говорит о наличии яровых и озимых культур. Если учесть, что во всех дагестанских языках встречаем местные названия пара, то из сообщения о зерновых в районе южнее Дербента можно, вероятно, заключить, что мы имеем дело с паровой зерновой системой с трехпольным севооборотом (трехполье).

С дальнейшими успехами в производстве зерновых связано культивирование в Дагестане новых сортов культурных растений, попадавших из Азербайджана. Сорт пшеницы сарыбугда известен в Азербайджане еще в XIII—XIV вв.¹⁰⁶, а впоследствии получил широкое распространение в Южном Дагестане. С юга проникла также культура риса. Во всех дагестанских языках рис обозначается или персидским (берендж) или тюркским (дуьгуй) термином. О посевах риса в Азербайджане источники сообщают еще в X в.¹⁰⁷ В Дагестане же впервые рис упоминается в 1 половине XIV в. в хронике «Тарих Дагестан» Мухаммеда Рафи при перечислении податей газикумухскому шамхалу («на жителей селения Гаргу — два саха рису»). Рис разводили в прибрежных районах, в частности в районе Дербента.

В предгорье и на равнине садоводство и виноградарство в период военных акций также значительно постра-

¹⁰³ И. П. Петрушевский. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья. «Известия АН СССР», отд. общ. наук, 1937, № 4, стр. 908.

¹⁰⁴ В. А. Кучкин. «Сказание о Железных воротах», — «Археологический ежегодник» за 1964 г. М., 1965, стр. 276.

¹⁰⁵ Яровая рожь в русских письменных памятниках выступает под названием «ярицы» (см.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., часть первая. М., 1970, стр. 40).

¹⁰⁶ А. А. Али-заде. Указ. соч., стр. 30.

¹⁰⁷ Там же, стр. 31.

дало, но они постепенно восстанавливались, особенно в районе Дербента, вошедшего в состав государства Хулагуидов. Возможно, реформы Газан-хана (о них — ниже) способствовали постепенному оживлению хозяйственной жизни в районе Дербента. Конкретными данными об этом мы не располагаем, но оживление хозяйственной жизни в течение XIV в. мы можем предположить, если иметь в виду развитие хозяйства в этом районе, зафиксированное в середине XV в. Автор «Сказания о Железных воротах» писал, что в Азербайджане, в землях, примыкающих к Дербенту, встречаются «и леса, и сады, и винограды, и мельницы, и всякий овощ земный», а А. Контарини также сообщал о районе между Дербентом и Шемахой, где было много фруктов, особенно яблок, о Дербенте, который «надлежащим образом снабжен продовольствием и торгует вином, а также разнообразными продуктами»¹⁰⁸.

Садоводство было известно и в ряде горно-долинных зон. Абу Хамид ал-Гарнати (ум. 1169) впервые упомянул о садоводстве в долинах Дагестана: «Много у них всяких благ, таких как мед, и мясо, и фрукты в их долинах»¹⁰⁹.

Закарийа ал-Казвини также упоминает о «горных яблоках» в селении Шиназ¹¹⁰. Что население занималось садоводством и виноградарством в долинах «еще в средние века» подтверждается также сравнительной древностью долинных террас, «которые ввиду жары могли засеиваться только в сочетании с фруктовыми деревьями», сохранением на склонах гор «небольших рощ и одичавших фруктовых деревьев, которые могут существовать только в местах, где сильны традиции садоводства», наличием на склонах и террасах лоз одичавшего винограда, исключительным многообразием местных сортов плодов¹¹¹. Ряд сортов плодовых попадал из Азербайджана (в Южном Дагестане издавна известен сорт яблок

¹⁰⁸ Барбаро и Контарини о России. Пер. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971, стр. 216.

¹⁰⁹ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. Публикация О. Г. Большакова и А. Л. Монгайт. М., 1971, стр. 26.

¹¹⁰ Caswini's Kosmographie, II, 405.

¹¹¹ С. Ш. Гаджиев, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Указ. соч., стр. 35.

«магъул Ахмед ич», т. е. «яблоко азербайджанца Ахмеда» и «Ширван кахар ич»).

Среди технических культур, известных в Дагестане, важное место занимали марена, шафран, лен, конопля, хлопок.

Марена, как уже отмечалось, получила в ранне-средневековом Дагестане широкое распространение как красильное растение. В XIII—XIV вв. в связи с монгольскими и тимуровскими походами и сокращением населения в Дербенте и его окрестностях производство марены резко падает, но, начиная с XV в., оно обретает прежнюю силу, достигнув в последующих веках небывалого расцвета. Другое же красильное растение — шафран (оно давало желто-оранжевую краску) — культивировалось, как сообщает Якут, в районе Дербента¹¹², но о производстве шафрана в последующие века мы не имеем сведений.

О судьбах льноткачества мы также не имеем сведений. Авторы XIII—XIV вв. уже не упоминают о выращивании льна, нет льна и в числе товаров, идущих через Дербент. Вполне возможно, что ряд населенных пунктов Дагестана, в частности в районе Дербента, перешел в XIV—XV вв. на производство шелка, ибо в середине XV в. шелковые ткани и атлас вывозятся из Дербента в Россию¹¹³. Однако ряд этнографических наблюдений показывает, что во внутренних районах Дагестана производство льна не прекращалось, хотя уступало по своему значению производству конопли. Что касается конопли, то производство ее занимало во многих районах Дагестана немаловажное место, удовлетворяя нужды ткацкого производства при господстве натурального хозяйства. Письменных сообщений о выращивании конопли в XI—XIV вв. нет, возможно, потому, что изделия из конопли не экспортировались и не появлялись на местном рынке.

Наряду с земледелием, основным и важнейшим видом хозяйственной деятельности населения Дагестана в XI—XIV вв. было скотоводство.

Как установлено в работах археологов, в средневековом Дагестане были известны все существующие

¹¹² Якут, I, 438.

¹¹³ Барбаро и Контарини о России, стр. 217.

и ныне виды домашних животных. Домашний скот играл большую роль в жизни горца, обеспечивая его мясом, маслом, молочными продуктами, кожей для изготовления одежды, обуви, головных уборов, шерстью для изготовления различных тканей, войлока, бурок, ковровых изделий. Кроме того, крупный рогатый скот (быки) использовался как тягловая сила, а лошади, ослы и мулы — при различных сельскохозяйственных и транспортных работах.

Одним из важных вопросов в истории скотоводства является выяснение соотношения крупного и мелкого рогатого скота. М. О. Османов справедливо отмечает, что огромные площади возделанных земель вокруг сравнительно небольших средневековых поселений при отсутствии подавляющего превосходства в пастбищах — признаки наличия большого числа крупного рогатого скота — пахотное земледелие на значительных участках связано было с увеличением спроса на тягловую силу¹¹⁴. Это дало повод утверждать, что тенденция преобладающего роста крупного рогатого скота продолжается, по видимому, и в небольших поселениях родственных коллективов, существовавших до XII—XIV вв. Мы видим, что вопрос об удельном весе крупного и мелкого рогатого скота перерастает рамки проблемы взаимоотношений различных видов скота, став, в основном, вопросом соотношения пашенного земледелия и скотоводства.

Нам кажется, что мнение о доминирующей роли и преобладании крупного рогатого скота по сравнению с овцеводством в XII—XIV вв., да и вообще в раннем средневековье, вполне справедливое по отношению к районам развитого пашенного земледелия, к плоскостным, предгорным и ряду горных районов, нельзя распространять на весь Дагестан. Тезис о доминации крупного рогатого скота в Дагестане еще в раннем средневековье, выдвинутый на основе археологических данных¹¹⁵, также остается еще не аргументированным, ибо привлеченный для этого остеологический материал

¹¹⁴ С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Указ. соч., стр. 39.

¹¹⁵ К. Н. Золотов. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни народов Дагестана, — МАД, т. II. Махачкала, 1961, стр. 288—290.

представлен памятниками в основном нижнего предгорья (Сигитма, Бавтугай, Чирюрт) и лишь в незначительной степени горных районов (Кахибский, Чародинский, Докузпаринский, Гунибский р-ны), давших по нескольку особей. Не представлены высокогорные районы с прекрасными альпийскими пастбищами, с весьма благоприятными условиями для занятия овцеводством (почти вся Авария, Юго-Западный Дагестан, частично даргинские и лакские земли).

Для характеристики хозяйственного развития Дагестана, в частности земледелия и животноводства в XIII—XIV вв., важное значение имеют данные хроники «Тарих Дагестан». Населенные пункты и общества, вносящие харадж, можно разделить, судя по данным хроники, на несколько категорий: вносящие харадж только овцами (общества Карах, Кусрахи, Хибилал, Чамалал, Рис'ур, Мукрак, селения Аршуб, Цахур, Голода); дающие харадж и овцами, и зерном (Хунзах, Гадар, Аркас, общество Тумал); крупным рогатым скотом (Тиндал, Хайдак, Усиша, Акуша, Цудахар); крупным и мелким рогатым скотом (Баклал); только зерном (Ирганай); войлоком (Анди); рисом (Тарту); рыбой (Костек); порохом (Зирихгеран); лошадьми (Куралал)¹¹⁶.

Все общества и селения, платившие харадж овцами, входили в высокогорную зону с прекрасными условиями для развития овцеводства (обширные альпийские луга) и развитым животноводческим хозяйством — это современные Чародинский, Цумадинский, Тляротинский, Ахвахский, Рутульский районы — самые западные земли Дагестана.

Хунзах, Тумал, Гадар, Аркас вносили налог мелким скотом и зерном, потому что занимают горы и верхнее предгорье и не имеют альпийских пастбищ (ныне Хунзахский, Лакский и Буйнакский р-ны). Предгорные и горные районы, не имеющие богатых пастбищ (Хайдак, Усиша, Акуша, Цудахар), поставляли шамхалу крупный рогатый скот¹¹⁷.

Все это дает возможность предположить, что наблюдаемая в XVI—XVII вв. и далее доминанция овцеводст-

¹¹⁶ Derwend-Natseh, 559—577.

¹¹⁷ На это обратил внимание Д. М. Атаев, но хронику отнес к XVI в. Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 220.

ва над крупным рогатым скотом в высокогорных и ряде горных районов, иными словами преимущественное развитие овцеводства в ущерб земледелию, не представлял;: обой какого-то нового для гор явления, возникшего XIV—XV вв. В связи с этим приходится еще раз вернуться к вопросу об отгонном скотоводстве, для которого X—XIV вв. существовали благоприятные условия. Есть основания предположить, что Терско-Сулакская низменность также использовалась овцеводами горного Дагестана. Исследования Е. И. Крупнова и споро-пыльцевые анализы погребенных почв установили, что вплоть до XIV—XVI вв. природные условия даже в ныне пустынных районах были благоприятные¹¹⁸. В XI—начале XIII вв. пастбищные земли Прикаспийской низменности были доступны овцеводам Дагестана так же, как и в IX—первой половине X вв., когда мирные и союзнические отношения составляли основу хазаро-дагестанских контактов.

В середине XI в. (40—50 годы) южнороссийские и северокавказские степи были заняты тюркоязычными кочевниками-половцами. Однако, как установил А. А. Иессен, южная граница половецких кочевий на Северном Кавказе проходила примерно по линии Армавир — Пятигорск — Калмыцкие степи, с которыми аланы вскоре установили нормальные отношения. Для алан открылись возможности использования прикаспийских пастбищ¹¹⁹. Вполне вероятно, что нормализация дагестано-половецких отношений также имела место. Известна та роль, которую играли половцы в формировании кумыкской народности¹²⁰. Характерно, что после погрома, учиненного монголами, половцы нашли убежище в дагестанских горах и в Дербенте¹²¹.

Большой интерес представляет сообщение знаменитого историка и географа Абу-л-Фиды (1273—1357),

¹¹⁸ Р. В. Федорова. Результаты исследования споро-пыльцевым методом курганов Прикаспийской низменности, — «Известия Грозненского областного музея краеведения», вып. V. Грозный, 1953, стр. 154—161; В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, стр. 77.

¹¹⁹ В. А. Кузнецов. Указ. соч., стр. 77.

¹²⁰ С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1953, стр. 229; С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 44.

¹²¹ Ibn el-Athir, XIII, 264 (ed. C. J. Tornberg).

писавшего на основе данных испанского географа XIII в. Ибн Саида (1214—1274): «Город М. т. р. х... К востоку от М. т. р. х... расположена Река овец, на которой стоит страна ас-Серир... Эта река большая, она замерзает зимой и по ней переходят (тогда) животные. Река впадает в Хазарское море. К югу (чит.: к северу) от этой реки впадает (в море) река Малый Итиль, которая течет близ Большого Итиля и течет южнее (чит.: севернее) Реки овец (нахр ал-ганам). Между этими двумя реками остается остров (междуречье), шириной около трех переходов (мархала)»¹²².

В. В. Бартольд, вслед за французским ориенталистом Ж. Т. Рено, издателем текста Абу-л-Фиды, считал, что под «Рекой овец» у Ибн Саида следует понимать реку Куму¹²³. В недавно опубликованной книге «Аланы в X—XIII вв.» В. А. Кузнецов, впервые и вполне справедливо толковавший это место с точки зрения ведения скотоводческого хозяйства, также присоединился к этому мнению¹²⁴. Однако приведенный выше отрывок из сочинения Абу-л-Фиды «Таквим ал-булдан» («Упорядочение стран») показывает, что речь идет не о Куме, а скорее всего о Сулаке («на которой стоит страна ас-Серир»). Правда, «Река овец» расположена по Абу-л-Фиде севернее Терека («Малый Итиль») — это и натолкнуло на мысль о реке Куме. Однако здесь мы имеем дело с нередким в арабской географической литературе явлением — смешением понятий север — юг.

Таким образом, само название реки Сулак — «Река овец» (ср. Койсу — «Овечьи воды») и указание на животных, которые зимой переходят реку, свидетельствуют о давних хозяйственных контактах гор и равнины, в частности о перегоне овец в XII—XIII вв. с гор на равнину и обратно.

В литературе о хозяйстве народов Дагестана вполне справедливо обращают внимание на роль естественноисторических зон (равнина и предгорье — преимущественно зерновые, садовые культуры, виноградарство, круп-

¹²² Geographie d'Aboulfeda. Texte arabe, public... par M. Reinaud et de Slane. Paris, 1840, p. 204.

¹²³ В. В. Бартольд. География Ибн Саида, стр. 109 (В. В. Бартольд. Сочинения, т. VIII. М., 1973).

¹²⁴ В. А. Кузнецов. Указ. соч., стр. 75.

ный рогатый скот; горы — животноводство и домашние промыслы; горно-долинные зоны — садоводство, земледелие, крупный рогатый скот; высокогорье — в основном — овцеводство)¹²⁵. Вместе с тем верхние хронологические рубежи процесса окончательного приобретения отдельными зонами определенной хозяйственной специфики значительно расширены. Процесс окончательной дифференциации хозяйства по географическим зонам отнесен к XVI—XVII вв.¹²⁶ Начало же этого процесса связывается с XIII—XIV вв., т. е. со временем образования крупных населенных пунктов.

Приведенные выше данные «Тарих Дагестана» и других сочинений показывают, что к началу XIV в. или же в XIII в. хозяйственная специализация отдельных районов, так называемая дифференциация хозяйства по естественно-географическим зонам, предстает перед нами не в своей начальной форме, а на стадии полного развития.

Важным фактором в этом процессе было то, что с начала XV в. наступила сравнительно мирная полоса¹²⁷. Поход Тимура 1396 г. был последней крупной акцией, сопровождавшейся разрушениями колоссальных размеров. Последующие века также не характерны мирной обстановкой, но они были сравнительно спокойными, *однако последующие походы* в Дагестан (первые Сефевиды, борьба Ирана и Турции, а затем и России за господство на Восточном Кавказе) не могли уже изменить сущности новых процессов: равнинные и предгорные районы втянулись вновь в полной мере в хозяйственную деятельность. Эти районы вернулись к старым земледельческим традициям в их интенсивной форме — к садоводству, виноградарству, а главное — к производству зерновых. Плоскость «вместе с нижним предгорьем начинает превращаться в очаг земледелия с разведением крупного рогатого скота»¹²⁸. В горных районах наблюдается установленный дагестанскими археологами и этнографами процесс забрасывания террас и раз-

¹²⁵ История Дагестана, т. I, стр. 282.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ С., Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Указ. соч., стр. 21.

¹²⁸ Там же, стр. 39.

вития хозяйства в сторону увеличения веса животноводства и роста домашних промыслов.

Все это позволяет предположить, что окончательная дифференциация хозяйства по географическим зонам наблюдается в Дагестане уже в XV в. При этом надо иметь в виду, что на протяжении всего средневековья в Дагестане не было зон или отдельных районов чисто земледельческих, как и не было районов чисто животноводческих.

Вместе и в непосредственной связи с развитием земледелия и скотоводства дальнейшее развитие получило ремесло средневекового Дагестана. При господстве натурального хозяйства мы наблюдаем здесь все три формы «соединения промысла и земледелия», о которых писал В. И. Ленин, имея в виду экономику русского крестьянского хозяйства, однако доминировала форма, характерная переработкой «...сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает»¹²⁹. Домашние промыслы (обработка шерсти, кожи, изготовление сукна, хлопчатобумажных тканей, одежды, обуви, войлока, бурок, сельскохозяйственных орудий, изделий из дерева, гончарное производство, ковроткачество и т. д.) получили в Дагестане дальнейшее развитие, будучи существенным дополнением крестьянского хозяйства.

Вместе с тем происходит постоянное развитие ремесленного производства на базе наблюдаемого еще в раннем средневековье отделения ремесла от земледелия. Успехи ремесленного производства в Дагестане происходили на фоне общего подъема ремесла на Кавказе и других областях. В X—начале XIII вв. дальнейшее развитие ремесла на Северном Кавказе, в частности оружейного, кузнечного, строительного дела, гончарного производства, хорошо прослеживается по археологическим данным¹³⁰. В эпоху, предшествовавшую монгольскому нашествию, довольно сильно были развиты городская жизнь и торгово-ремесленное производство в Гру-

¹²⁹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, — Полное собр. соч., т. 3, стр. 328, 378.

¹³⁰ Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 113—117; В. А. Кузнецов. Указ. соч., стр. 84—147.

зии, Армении, Азербайджане и сопредельных странах¹³¹. В XI—начале XIII вв. наблюдаем расцвет городов Средней Азии¹³².

В области ремесла в Дагестане наибольшее развитие получают металлургия и металлообработка. Зарождение и развитие металлургии связано прежде всего с сырьевой базой. Районы высокогорного Дагестана на всем протяжении, от Чечни до Азербайджана, являются рудоносными¹³³. О совершенствовании процесса выплавки железа и производства железных изделий свидетельствуют многочисленные изделия кузнечного ремесла, а также производственные остатки на Урцекском, Андрейаульском и Аркаском городищах¹³⁴. На рубеже I и II тысячелетий н. э., когда значительно расширилась область применения железа, добыча руды и выплавка железа приобретают довольно большой размах. По производственным остаткам Аркаского городища восстанавливается сыродутный способ получения железа¹³⁵.

Развитие ремесла хорошо прослеживается на примере Зирихгерана. В середине X в. ал-Масуди писал: «Затем в сторону Серира и гор—владение Зарикаран (Зирих-Гаран), что означает «мастера кольчуг», потому что большинство из них делает кольчуги, стремена, уздечки, мечи и другие виды оружия из железа»¹³⁶. В первой половине XII в. мы наблюдаем иную картину—изделия ремесленников стали разнообразнее, поголовно все население занято в Зирихгеране в сфере ремесленного производства. Испанский араб Абу Хамид ал-Гарнати, по-

¹³¹ А. А. Али-Заде. Указ. соч., стр. 52—53; История Азербайджана, т. I, стр. 133—134, 145—150; М. Х. Шарифли. Указ. соч., стр. 93—94; М. М. Альтман. Исторический очерк города Ганджи, ч. I. Баку, 1949, стр. 36—46; Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа. История Грузии, ч. I. Тбилиси, 1950, стр. 200—203, 228; История армянского народа, ч. I. Ереван, 1951, стр. 167; Б. Н. Аракелян. Развитие ремесел и товарного производства в Армении в IX—XIII вв. СА, г. XXVI, 1956.

¹³² Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, стр. 261, 265; В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва. СПб. 1894, стр. 13—14.

¹³³ Сводка сообщений о рудоносных очагах Дагестана—См.: Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 221—226.

¹³⁴ М. М. Маммаев. Указ. соч., стр. 10.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ в. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 203; *Masoidi*, 11,41.

сетивший в 1131 г. Дербент, писал о зирихгеранах: «Близ Дербенда расположена большая гора, у ее подножья — два селения, в которых живет народ (умма), называемый зирих гаран, т. е. изготовители броней, которые изготовляют всякое военное снаряжение — кольчуги, панцири (джавашин), шлемы, мечи, копья, луки, стрелы, кинжалы и всевозможные медные изделия»¹³⁷. Развитие металлургического производства, его усовершенствование привело к полному отделению всех видов ремесла от земледелия. Ал-Гарнати так и пишет о зирихгеранах: «Жены их, сыновья их, дочери их, слуги и служанки их — все они заняты в производстве этих изделий, и нет у них обрабатываемых земель (пашен) и садов»¹³⁸. Ал-Гарнати пишет о зирихгеранах, живущих в двух аулах, расположенных рядом, — это скорее всего современные Кубачи и Амузги. Значит жители обоих селений специализировались только на производстве ремесленных изделий. Перед нами такой далеко зашедший процесс развития ремесла и специализации отдельных его отраслей, когда целых два аула полностью выделились из сферы земледельческого труда.

Жители Зирихгерана и впредь продолжали заниматься в сфере ремесленного производства. В 1396 г., когда Тимур проходил по внутренним районам Дагестана, уничтожая все на своем пути, жители Зирихгерана сумели спасти себя от участи других аулов, и в этом деле помогло им искусство кузнецов: «Все жители Зирихгерана встретили царственный поезд подчинением и повиновением и поднесли ему множество броней и кольчуг»¹³⁹.

Приведенные выше данные хорошо иллюстрируют высокий уровень кузнечного дела и меднолитейного производства. Здесь были мастера — бронники, изготавливавшие кольчуги, панцири, шлемы. Изготовление кольчуг — сложный и трудоемкий процесс, он состоит из ряда

¹³⁷ Le Tuhat al-albab de Abu Hamid al-Garnati edite... par G. Ferrand. Paris, 1925 (JA, CCVII), p. 84; Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу, стр. 50.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ в. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1941. стр. 137.

операций, требующих высокой квалификация¹⁴⁰. Как пишет Б. А. Колчин, кольчуга на средний рост состояла из 10—17 тысяч железных колец диаметром от 13 до 22 мм, а «соединительные кольца, а их было 1/2 от общего числа, склепывали заклепками диаметром 0,75—1,00 мм»¹⁴¹.

На производстве военного снаряжения специализировался, очевидно, ряд других аулов. Об одном таком ауле до нас дошло сообщение автора XIII в. Закарийа ал-Казвини. Он пишет о жителях рутульского селения Шиназ, которые были искусны в изготовлении «кольчуг, панцирей и других видов вооружения»¹⁴². Последнее сообщение очень важно — там говорится не только об изготовлении кольчуг, но и панцирей, т. е. пластинчатых броней, точно так же, как и у жителей Зирихгерана Е. середине XII в. Как пишет Б. А. Колчин, «технология производства броней, особенно пластинчатых, была очень сложной и требовала от мастера высокого искусства и профессионального опыта... Кроме плоских пластин, для броней необходимы были десятки фигурных пластин со сложным профилем для ворота, наплечий, нарукавников и т. п. Их величина каждый раз менялась в зависимости от размера брони, а броню всегда нужно было делать надежной, «репкой, удобной и достаточно легкой, из очень тонких пластин»¹⁴³. Существует несколько типов пластинчатых броней (чешуйчатые, брони из пластин прямоугольной и квадратной формы, из пластин вытянутой трапециевидной формы)¹⁴⁴, но подробностей о бронях Зирихгерана и Шиназа мы не знаем, ибо при археологических работах пластинчатые брони не обнаружены. По письменным данным, мы знаем только о существовании двух центров с высокоразвитым уровнем кузнечного ремесла—это Зирихгеран и Шиназ. причем в Шиназе, в отличие от Зирихгерана, в ремесле занята только часть населения. Можно только предположить наличие и других центров производства воору-

140 Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 231; Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (МИА, т. 32). М., 1953, стр. 150—152.

141 Очерки русской культуры XIII—XIV вв., ч. I, стр. 177.

142 Caswini's Kostmographie, II, 405.

143 Очерки русской культуры XIII—XIV вв., кн. первая, стр. 177.

144 Там же.

жения. В этом отношении большой интерес представляет одно место у Ибн Русте (нач. X в.), сообщающее о Серире: жители крепости царя Серира при выполнении обряда, связанного с похоронами, «салятся на коней и облачаются в панцири (джаушан) и кольчуги»¹⁴⁵. Стало быть, массовое производство панцирей и кольчуг было налажено еще в X в. При высоком уровне металлообработки, изготовления оружия и предметов вооружения в средневековой Аварии (Серир)¹⁴⁶ можно допустить наличие и здесь центра изготовления оборонительных доспехов.

Очевидно, Зирихгеран становится со временем единственным центром в Дагестане по изготовлению таких дорогостоящих и сложных предметов вооружения, как панцири и кольчуги. О Шиназе мы не имеем больше сведений, в то время как слава кубачинских мастеров-бронников и мастеров-оружейников еще длительное время шла по всему Кавказу. Когда и почему заглохло в Шиназе производство вооружения, мы не знаем, и в настоящее время жители Шиназа даже в отдаленной форме не помнят о высоком мастерстве своих предков,

Создается впечатление, что кубачинцы перешли со временем на преимущественное изготовление кольчуг. Во всяком случае в дагестанских языках не различаются ныне кольчуга и панцирь, оба они обозначаются одним термином (как и на Руси под обобщающим словом «броня»): лакск. — хIурни, или описательно — муххал лаххча, т. е. «железная рубашка»; дарг. — халчук, или мегьшанда палтар, т. е. «железная рубашка»; аварск. — кьолден; кубач. — хIуннила агачан, причем первое слово не поддается ныне этимологизации, а второе означает рубашку. В лезгинском языке и кольчуга, и панцирь обозначается словом кьеркъ, означающим не только доспех, но и кусок овчины (отголосок того времени, когда на вооружении были панцири с пластинами, которые нашивались на кожу). Вообще в последующих описаниях вооружения дагестанцев встречаем конкретное указание обычно на кольчугу, но панцири, изготовленные в XI—XIII вв., были в ходу еще в XIX в.: в 1820 г. во время выступления Мадатова из Ширвана в Кюрин-

¹⁴⁵ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 219; BGA, VII, 147.

¹⁴⁶ Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 220—239.

ский округ, кюринцы имели при себе «длинные копья, блестящие панцири, шлемы, щиты и шашки, на которых старые надписи свидетельствовали о принадлежности их ко времени крестовых походов»¹⁴⁷.

К XI—XII вв. относится, по всей вероятности, и широкое распространение в Дагестане защитного оружия — щита. Ни в Зирихгеране, ни в Шиназе, судя по письменным источникам, щиты не изготовлялись, а распространение в дагестанских языках известного у сельджуков названия щита — калкан (кумыкск. — кЪОЛГЪАН, аварск. и лакск. — кЪалхъан, дарг. и лезгинок. — кЪалхан) наводит на мысль о повсеместном использовании этого защитного оружия во время сельджукских походов.

Таким образом, производство оружия и предметов вооружения занимает в Дагестане важное место. Это и понятно, ибо X—XIV вв. были в истории Дагестана временем, полным военных столкновений, особенно с многочисленными внешними врагами. Все это и определило исключительное место кузнечного дела и значение железа в ремесленном производстве. Обработка железа занимала ведущее место в ремесленном производстве средневекового Дагестана. Можно уверенно предположить, что кузнечное дело было развито во многих аулах Дагестана как специализированная область ремесла, обеспечивая не только изготовление вооружения, но, возможно, в первую очередь, сельскохозяйственных орудий и бытового инвентаря. Эти аульские кузнецы выступали обычно в роли кузнецов-универсалов, изготавливая самые разнообразные изделия из железа.

Во всех дагестанских языках имеются местные названия кузнеца, причем они связаны или с железом (агульск. — рукъван уста; лакск. — муххал устар; аварск. — махулав, или махул уста; дарг. — мегъла уста, или мегъла устни; табасар. — рукъан уста; кумыкск. — темирчи — везде в смысле «мастер по железу»), или с кузницей (лезг. — ччатун устIар; рутульск. — джархъан от «ччад» и «джад» — «кузница»). Как отметил П. К. Услар, у даргинцев кузница называется также «-пуша», а у аварцев имеется второй специальный термин для обозначения кузнеца — «къебед», мастера же

¹⁴⁷ В. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. I. СПб., 1887, стр. 283.

Называли не только «устар», но также и «махшел». В последнем случае искусство мастера вообще связывается с обработкой железа, точно как и русский термин «кузнец», обозначавший сначала ремесленника вообще. Роль кузнечного ремесла в жизни аула отмечена также тем, что впоследствии с ним стали связывать названия отдельных кварталов и тухумов.

Обработка цветных металлов, почти полностью связанная с литьем, также выступает как самостоятельная отрасль ремесленного производства. Наличие специальных обозначений таких цветных металлов, как медь (красная), свинец подтверждает факт длительного использования местных месторождений цветных металлов (медь: лакск. — дуввси; дарг. — дубси; арчинск. — дук; аварск. — тукни; свинец: лакск. — чІутІи; арчинск. — тІечІу; аварск. — тІухъи; дарг. — чІятІ), причем названия обоих металлов восходят к общedaгестанскому лексическому фонду¹⁴⁸. В Южном Дагестане название меди также местного происхождения (лезг. — цур, рутульцы — дзыр, табас. — йифф, цахурск. — йухъя, агульск. — иф). Названия же желтой меди и олова заимствованы: олово — къалай (табасар., агульск., лакск., аварск., даргинск., рутульск.), или къеле (лезгинск.), гъалай (аварск.). В заимствовании названия желтой меди прослеживается определенная закономерность: центральные и северные районы Дагестана (аварцы, даргинцы, кумыки) знают «йаз», а южные (лезгины, табасаранцы, цахуры, агулы) — «камшир» или «приндж» — очевидно, в зависимости от направления заимствования — северного или же южного: северное — йаз, южное — от персидского берендж (бронза, желтая медь), возможно, через азербайджанское «бириндж» (арабская форма — бирунз).

Археологическими данными или же письменным материалом о цветной металлургии в Дагестане XI—XIV вв. исследователи еще не располагают. Единственное исключение — это сведения о бронзовых изделиях. Выше мы уже приводили высказывание Абу Хаида ал-Гарнат

¹⁴⁸ С. М. Хайдаков. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961, стр. 24. Аварское название меди записано С. М. Хайдаковым в Андалале, обычно аварцы медь называют «пахъ» (Аварско-русский словарь. Составил Магомедсаид Саидов. М., 1967, стр. 372).

о "том, что, кроме предметов вооружения, зирихгераны изготавливают «всевозможные медные изделия». В связи с обнаружением в Кубачи большого числа средневековых бронзовых котлов это сообщение приобретает особо важное значение.

Открытие кубачинских котлов связано с именем академика И. А. Орбели¹⁴⁹. Он выделяет четыре разновидности этих котлов, из которых две представляют собой хозяйственные котлы, а другие две — «вышедшую из практического употребления, но чтимую и хранимую утварь, выставленную на почетном месте». Как указывал И. А. Орбели, два типа носили название «гюрджи эшек» («грузинский котел») и «ширван эшек» («ширванский котел»), а два другие, т. е. вышедшие из практического употребления, — «хаш эшек» (от армянского слова хач — крест), благодаря выступам на верхнем крае, придающим котлу форму креста¹⁵⁰. И. А. Орбели определил культурно-историческую и художественную ценность котлов типа «хаш эшек» и датировал основное число их XII—XIII вв.

Из большого числа бронзовых котлов, обнаруженных в Дагестане (в основном — в Кубачи), только незначительная часть подвергнута подробному описанию. Здесь мы привлекаем только четыре котла¹⁵¹. Внешне они все схожи друг с другом — почти одинаковой высоты, полу-

¹⁴⁹ И. А. Орбели. Временная выставка сасанидских древностей. Пг., 1922, стр.14; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1949, стр. XV—XVI; Каталог международной выставки памятников иранского искусства и архитектуры. Л., 1935, стр. 428—432; И. А. Орбели. Албанские рельефы и бронзовые котлы, — «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938 (И. А. Орбели. Избранные труды. Ереван, 1963, стр. 347—361). Подробное описание технологии изготовления котлов — см.: Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949, стр. 66—71; первое упоминание о котлах из Дагестана: «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», вып. I. М., 1889, стр. 25—28 (сообщение о разборе М. О. Аттая надписей на котлах из Дагестана).

¹⁵⁰ И. А. Орбели. Албанские рельефы и бронзовые котлы, стр. 350—351.

¹⁵¹ Подробное описание этих котлов см.: А. Р. Шахсаидов. Эпиграфические памятники Дагестана и проблема культурных контактов (в печати). Надписи на трех из названных котлов (форись) изданы — см.: А. Р. Шахсаидов. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969, стр. 40.

сферической, «открытой» формы, с крестообразными бортиками с приклепанными фигурными ручками, цельнолитые, на трех невысоких ножках, со сливом и надписью на бортике. Один из этих котлов хранится в Дагестанском краеведческом музее (инв. № 1741) и имеет надпись, палеографически датируемую XI—XII вв.: «Сделал Ахмад б. Али(?) Мервези». Котлов с подобной надписью больше не обнаружено. Второй котел хранится в историческом музее Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина, датируется XII—XIII вв., имеет надпись: «Сделал Абу Бакр б. Ахмад Мервези»¹⁵². Третий котел, обнаруженный П. М. Дебировым в сел. Чох (Гунибский р-н ДАССР), несет на борту надпись: «Сделал Махмуд (б.) Бу Бакр саффар (медник)»¹⁵³. Четвертый котел также экспонируется в Дагестанском краеведческом музее (инв. № 1770). На нем надпись: «Сделал Ахмад б. Мухаммед (Махмуд?) ал-Мервези». Надписи двух последних котлов могут быть датированы XIII—XIV вв.

Надписи на котлах зафиксировали имена мастеров меднолитейного дела — профессионалов (в одном случае употреблен термин «саффар», т. е. «медник»), три мастера имеют «куню «Мервези», т. е. «Мервский», что связывает имя мастеров со знаменитым Мервом, столицей государства Сельджуков в XI—первой половине XII вв., а затем крупнейшего культурного и торгово-ремесленного центра государства Хорезмшахов. Нисбу «Мервези» получали обычно жители окружающих внутренний город кварталов Мерва, как правило, ремесленники¹⁵⁴. Как писал А. Ю. Якубовский, «мастера-ремесленники были чрезвычайно подвижны и переходили из области в область, из города в город»¹⁵⁵. Вполне возможно, что

¹⁵² Об аналогичных котлах с подобной же надписью сообщают: L. A. Mayer. *Islamic metalworkers and their works*. Geneva. 1959, p. 24; U. Scerrato. *Ogetti metallici de eta islamica in Afghanistan*, — «Annali», Nuova serie, v. XIV. Napoli, 1964, tav. XXXII, fig. 56—57.

¹⁵³ О подобных же котлах: Каталог международной выставки, стр. 428—429; L. A. Mayer. *Op. cit.*, pp. 24—25; U. Scerrato. *Una caldaia iranica di bronzo del Musee des Antiquites de Algeri*, — «Annali», Nuova serie, V—XV. Napoli, 1965, tav. II, fig. 3, 4.

¹⁵⁴ В. А. Жуковский. *Развалины старого Мерва*. СПб, 1894, стр. 114.

¹⁵⁵ А. Ю. Якубовский. *Феодализм на Востоке*. Л., 1932, стр. 42.

с именем прибывшего из Мерва в Дагестан мастера по медному литью и связана нисба «Мервези». Однако вся дальнейшая история меднолитейного ороизводства в Кубачи, факт передачи искусства кубачинских металлургов по наследству, массовое изготовление бронзовых котлов вплоть до XX в. — все это говорит о том, что Кубачи выступает еще с XII—XIV вв. как один из крупнейших центров литейного дела на Кавказе.

Весьма ценно еще одно обстоятельство. Если имена на трех из названных котлов расположить в такой последовательности — Ахмад б. Али Мервези, Абу Бакр б. Ахмад Мервези, Махмуд б. Бу Бакр саффар (палеографически это допустимо), то перед нами предстает организация металлостов, где профессиональное мастерство передавалось по наследству, от отца к сыну¹⁵⁶.

В X—XIV вв. мы наблюдаем также высокий уровень строительного дела. Об этом свидетельствуют как немногочисленные дошедшие до нас памятники архитектуры, так и сравнительно многочисленные строительные надписи. К числу замечательных культовых сооружений относятся мечети в Кара-Кюре (Ахтынский р-н), Кала-Корейше (Дахадаевский р-н), Рича (Агульский р-н), датируемые XI—XII вв.¹⁵⁷ Культовые сооружения сохранились также в сел. Буршаг (Агульский р-н, XIV—XV вв.), Хури (Лакский р-н, XV в.), Джибахни (Кайтакский р-н, XV в.). Высокое мастерство горцев проявилось* и при строительстве оборонительных сооружений — крепостей, сигнальных, жилых и оборонительных башен. Некоторые из этих сооружений сохранились до наших дней: в Тидибе, Гооре, Кахибе (Советский р-н), Мококе (Цунтинский р-н), Ицари и Кубачи (Дахадаевский р-н), Тпиге (Агульский р-н, XII—XIII вв.)¹⁵⁸.

¹⁵⁶ По своим внешним формам (бортик с четырьмя выступами, дающими в плане крест) котлы похожи на ранний глиняный сосуд из Двина — К. Кафадарян. Двин и его раскопки. Ереван, 1952, стр. 199 (рис. 174).

¹⁵⁷ п. М. Дебиров. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966; Г. Н. Любимова. Культовые постройки агульских селений Дагестана, — «Памятники культуры. Исследование и реставрация», № 3. М., 1961.

¹⁵⁸ Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа, — СЭ, 1947, № 4; А. Ф. Гольдштейн. Архитектур-

Важным источником в изучении строительной деятельности населения Дагестана является эпиграфический материал. Строительные надписи характеризуют общее направление деятельности мастеров по возведению зданий самого различного назначения — жилых домов, общественных и культовых зданий. Список известных нам строительных надписей X—XV вв. включает 66 сооружений (мечети, дома, крепости, минареты). Основная масса надписей относится к строительству культовых зданий (мечети, минареты), но это не должно пониматься как показатель слабого развития гражданской архитектуры. Строительство частных домов, хозяйственных помещений, башен, отчасти крепостей, как правило, не фиксировалось на камне.

В памятниках строительной эпиграфики XI—XV вв. в ряде случаев зафиксировано профессиональное звание строителей — банна или устад, причем последний термин со временем становится единственным в строительной практике. До нас дошли имена некоторых мастеров: Куту Абу Мисак ал-банна (строитель)—надпись 1177 г. из Рутула; «устад ал-банна (мастер-строитель) знатный и просвещенный Саййид» — надпись 1227 г. или 1228 г. из Рутула; устад Хасан сын Мухаммеда—надпись 1247 г. из Мишлеша; устад Тадж ад-Дин сын Мусы, строителя (ал-банна) бакинского — надпись второй половины XIV в. из Дербента; «архитектор (мимар) этого здания устаз Хаджжи Ахмед»¹⁵⁹. Большой интерес по богатству терминологии представляет надпись 803/1401 г. из сел. Хнов: «Владелец (оахиб) этого минарета и его строитель (ам,ир) Хамма сын Абакара... Строитель (амил) минарета устаз Х. зсан сын Халифа и его сын Мамма аз-Захури. Писец (катиб) этих строк Сулейман сын Мухаммеда...» Если Х. зсан сын Халифа в надписи из Хнова выступает в качестве строителя-профессионала, то в лице его сына Мамма мы видим, вероятнее всего, помощника, шагирда. Нисба аз-Захури указывает на селение Цахур (один из крупных населенных пунктов средневекового Дагестана), известный также СЕОИМИ каменных дел мастерами.

ные памятники Кайтака. Махачкала, 1969; А. Р. Шахсаидов. Арабские строительные надписи Дагестана, — «Ученые записки» Института ИЯЛ, т. XIII, серия историческая. Махачкала, 1964.

¹⁵⁹ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 64, 82, 120—121.

Строительные надписи Дагестана дают и другой термин — катиб, он означал профессию резчика, писца, каллиграфа.

Большое число строительных надписей, с указанием имени строителя, имени писца, звания уstad (редко банна) дает право говорить о наличии в XI—XV вв. в Дагестане профессиональных мастеров-строителей и мастеров архитектурно-декоративных работ.

Значительное развитие получило также гончарное производство, прядение и ткачество, обработка дерева, кожи. Еще в XIV в. балхарские гончары поставляли свои изделия в Южный Дагестан и Кубу. Остатки характерных балхарских чаш XIII—XIV вв. найдены близ Дербента и лезгинского селения Испик Кубинского р-на, а лезгинская бирюзовая керамика XIII—XIV вв. получила широкое распространение почти во всем Дагестане ¹⁶⁰.

Изучение ремесленного производства в Дагестане показывает, что кузнечное и меднолитейное дело, строительство и в ряде случаев гончарство, изготовление вооружения и обработка камня выступают как отдельные специализированные отрасли ремесленного производства. Весьма важным является процесс специализации отдельных аулов на производстве той или иной продукции. Большими промысловыми центрами начинают выступать даргинские селения Кубачи и Харбук, лезгинские селения Микрах и Испик, лакские — Кумух и Балхар, аварские — Гочатль, Унцукуль, Ботлих, Хунзах, Анди, кумыкские — Эндери и Тарки.

Несомненным следствием специализации технического производства явилось расширение ассортимента ремесленных изделий, улучшение их качества. Многие изделия, особенно дорогостоящие и трудоемкие в изготовлении (панцири, кольчуги, шлемы, высококачественные литые изделия) изготовлялись на заказ. Вполне допустимо, что кузнецы-универсалы в аулах также выполняли часть изделий на заказ. «Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя» ¹⁶¹.

¹⁶⁰ Э. В. Кильчевская. Л. С. Иванов. Указ. соч., стр. 7.

¹⁶¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 329.

Однако часть металлической и другой продукции имела еще в раннем средневековье серийное производство, была рассчитана на массового покупателя, на рынок. Об ориентации на рынок свидетельствует появление устойчивых литейных форм, всевозможных штампов¹⁶². Ремесленник, придя в соприкосновение с рынком, «...переходит со временем и к производству на рынок, т. е. делается товаропроизводителем»¹⁶³.

Одним из крупнейших центров ремесленного производства и торговли на Восточном Кавказе был город Дербент. Вплоть до 1220 г., т. е. до первого похода монголов, этот город переживал время своего расцвета, оставаясь крупным политическим, культурным, торговым и ремесленным центром. Усилению и расцвету города способствовали как рост морской и караванной торговли со странами Ближнего Востока и Закавказья, так и усилившиеся связи с сельскими земледельческими районами Дагестана. Расцвет ремесла в XI—начале XIII вв. наблюдается во многих странах Ближнего Востока, Средней Азии, Кавказа. Ремесленное производство в Дербенте, давно ставшее самостоятельной отраслью хозяйства, получило дальнейшее развитие.

Многие страны Востока не знали цеховую организацию в том классическом виде, как на Западе, но объединения специалистов отдельных отраслей возникали везде. В Дербенте также наблюдаем наличие отдельных ремесленных корпораций. Как сообщает «История Ширвана и Дербенда», в середине XI в. в Дербенте имеется «раис дубильщиков». В. Ф. Минорский считает, что некоторые из дербентских раисов были главами городских гильдий¹⁶⁴.

В XII в. еще продолжали существовать благоприятные для развития города факторы. На Каспийском море наблюдалась оживленная торговля. Здесь ежегодно до 400 больших морских кораблей осуществляли перевозки товаров между Саксином и Амолем, причем с Саксином, расположенным в дельте Волги, торговали купцы как Табаристана, так и Баку, Хорезма, Дербента. Основ-

¹⁶² д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 239.

¹⁶³ в. И. Ленин. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, стр. 331.

¹⁶⁴ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 163.

ные статьи экспорта с Волги на юг составляли лён и льняная одежда.

Монгольское нашествие нанесло огромный ущерб экономическому развитию всех стран, по которым проходили монголы. Как писал И. П. Петрушевский, «...при Чингизовых завоеваниях мы видим уже не стихийные жестокости и разрушения, а организованные приемы массового истребления мирного населения, опустошения целых районов, применявшиеся Чингизовыми полководцами. Это была целая система террора, проводившаяся сверху и имевшая целью организованное истребление способных к сопротивлению элементов населения, запугивание мирных жителей и создание массовой паники в завоеванных странах»¹⁶⁵. Прежде всего страдали цветущие и многолюдные города. Резкий упадок ремесла, уничтожение ремесленных мастерских, угон ремесленников было обычным явлением. В развалинах лежали многочисленные города Средней Азии и Восточного Ирана. К. Маркс писал, что монголы «...совершают варварства в Хорасане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту»¹⁶⁶.

Дербент также подвергся участи других городов. Монах-минорит Гильом Рубрук был в Дербенте («Железные ворота») в 1255 г. и писал о последствиях пребывания монголов здесь и в близлежащих землях: «...татары разрушили верхушки башен и бойницы стен, сравнив башни со стеною. Внизу этого города земля считалась прежде за рай земной»¹⁶⁷. Еще позже Абу-л-Фида (1273—1357) в своей книге «Таквим ал-булдан» показал, что представлял собой ранее цветущий и большой город: «Баб ал-абваб—город при Дербенд Ширване... Со слов некоторых путешественников, Баб ал-хадид — это городок, подобный деревням на Хазарском море... Баб ал-хадид — незначительный населенный маленький городок»¹⁶⁸. Еще в 1478 г., как сообщает Амвросий Кон-

¹⁶⁵ И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960, стр. 31.

¹⁶⁶ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, 1938, стр. 221.

¹⁶⁷ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 187.

¹⁶⁸ *Geographie d'Aboulfeda*, p. 405.

тарини, «...едва ли шестая часть всего пространства, находящегося под горой, по направлению к цитадели, населена», причем «со стороны моря почти все здания разрушены». Все это было итогом деятельности монголов, а затем и тимуровских войск в Дагестане.

Из сообщения А. Контарини мы видим, что к середине XV в., после окончания походов Тимура Дербент в некоторой степени стал оживать. Город экспортирует шелковые ткани, часть жителей занимается рыболовством («ловят осетров и белугу в громадном количестве») и изготовлением из рыб «жидкости», которую «жгут для освещения» и используют для натирания верблюдов, причем жир этот развозился также в большом количестве «по всей стране»¹⁶⁹. В городе были владельцы судов, «идущих в Астрахань».

Большое значение в экономической жизни Дагестана X—XIV вв. имела торговля. Усиление торговых связей с соседними землями и государствами, будучи отражением дальнейшего развития хозяйства, дает в свою очередь толчок к развитию земледелия, скотоводства, различных отраслей домашних промыслов. Торговые связи дагестанцев со своими соседями—народами Закавказья и Северного Кавказа — были регулярны. Многочисленные находки монет и монетных кладов в районе Дербента — свидетельство оживленных контактов Дагестана с соседями и странами Ближнего и Среднего Востока. Из обнаруженных здесь монет X—XIII вв. немалое место занимают монеты собственно дербентской чеканки¹⁷⁰. Дербент представлял, разумеется, весь Дагестан, и через этот город осуществлялись связи внутреннего Дагестана с соседними районами. Несмотря на монгольский погром 1239 г. и разрушительные войны Джучидов и Ильханов, город, как уже отмечалось, сохранил некоторое значение как порт и транзитный пункт. Со слов Барбаро, товары доставлялись из Дербента и Астрахани в Тану, а оттуда на венецианских галерах — в Европу. Генуэзские купцы в конце XIII—XIV вв. часто посещали

¹⁶⁹ Барбаро и Контарини о России, стр. 216.

¹⁷⁰ Сообщение П. С. Савельева на VI заседании Отделения восточной археологии 19 января 1853 г. — ТВО РАО, ч. II, СПб, 1856, стр. 303—304; В. Г. Тизенгаузен. Проект программы. «Труды V археологического съезда в Тифлисе». М., 1887, стр. CIV.

западное побережье Каспия, в том числе и Дербент¹⁷¹. Часть генуэзских судов была переведена с Черного моря на Каспийское. Из так называемого «Каталонского атласа» 1375 г. и карты братьев Пицигани видно, что итальянские купцы были хорошо осведомлены о западном берегу Каспия. На этих картах отмечены «залив Терхи», «река Терку», т. е. Терек, Дербент¹⁷². Но с конца XIV в., после разрушения Астрахани Тимуром, переднеазиатские товары стали вывозиться через сирийские порты, и Дербент лишился одной из своих доходных статей. Кроме того, упадку значения Дербентского порта способствовало соседство с Баку с его превосходной естественной гаванью¹⁷³.

Для внутренних районов Дагестана торговля в Дербенте и через Дербент имела большое значение, однако не менее важную роль играл торговый путь через внутренний Дагестан. Дагестанский ученый Б. Г. Малачиханов впервые обратил внимание на значение важного стратегического и торгового пути по внутреннему Дагестану: р. Самур — Курах — Кумух — Чох — Чечня¹⁷⁴. По этому пути горцы поддерживали регулярные связи с Азербайджаном и Северным Кавказом. Контакты с Грузией осуществлялись через Вантлашевский и Кодорский перевалы.

Значительное место занимала внутренняя торговля, которая осуществлялась по путям местного значения. Эти пути соединяли отдельные районы Дагестана между собой. Внутренняя торговля осуществлялась в основном путем обмена. В письменных источниках X—XV вв. и даже XVI—XVIII вв. материал по метрологии почти полностью отсутствует, но несомненно, что полевой материал отражает длительный этап развития системы мер и весов. Ряд метрологических терминов (мискал, ратал, сах, рубе, киле) недагестанского происхождения и их

¹⁷¹ Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XIV вв. «Исторические записки», 1938, т. 3, стр. 90.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Подробно об этом см.: И. П. Петрушевский. Государства Азербайджана в XV в. «Изв. Аз. ФАН СССР», № 7, июль 1944, стр. 85.

¹⁷⁴ Б. Малачиханов. К вопросу о хазарском Семендере. УЗ ИИЯЛ, т. XIV (серия историч.). Махачкала, 1965, стр. 287.

проникновение в Дагестан может быть отнесено ко времени до XIV в.

Натуральное хозяйство наложило отпечаток на развитие торговых связей в средневековом Дагестане. Местный рынок был узок, единая метрическая система в Дагестане отсутствовала, она отличалась единообразием только в рамках государственных единиц и обществ.